ПИОНЕР
РЕБЯТА, СТРОЙТЕ СВОЙ САМОЛЕТ!
18
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Живая газета китайских пионеров. Эта газета выступала на конференции профсоюзов в Ханькоу

ЖИВЫЕ ГАЗЕТЫ СССР,
БУДЬТЕ ГОТОВЫ К КОНКУРСУ НА ЛУЧШУЮ ЖИВГАЗЕТУ!

Конкурс об'явили Центральное Бюро Юных Пионеров и Редакция журнала «Пионер».

В жюри конкурса входят: *нарком по просвещению А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ, народный артист Республики Вс. Эм. МЕЙЕРХОЛЬД, представители ЦБ ЮП, Редакции «Пионер», Государственного педагогического театра, Московского детского театра и Центрального Пионер-Кабинета.*

На местах проводят сначала местные конкурсы. Местные конкурсы организуют губернские бюро пионеров или губернские пионерские газеты. Текст, ноты и фото лучшей губернской живгазеты присылают в Редакцию «Пионер». Жюри выбирает из присланных пять лучших газет, выезжает на места, просматривает их и премирует.

15 ребят из лучшей живгазеты приезжают в Москву на две недели на экскурсию.

Три лучших живгазеты печатаются в журнале „Пионер" и издаются отдельным изданием.

Какой должна быть лучшая живгазета, читайте в №№ 15 и 16 «Пионера».

Материалы к конкурсу будут печататься в каждом номере «Пионера».

Конкурс кончится к 1 декабря 1927 г.

Содержание № 18

Главлит № 96886. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово». Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 24000

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ
На 12 м. — 3 р. — к.
„ 6 „ — 1 „ 60
„ 3 „ — „ 85
„ 1 „ — „ 30

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ
Москва, Нов. площадь, 6/8, Издательство „Молодая Гвардия“
Подписка принимается в Главной Конторе Периодических Изданий „Молодая Гвардия“, Москва, Тверская, 37

ОРГАН

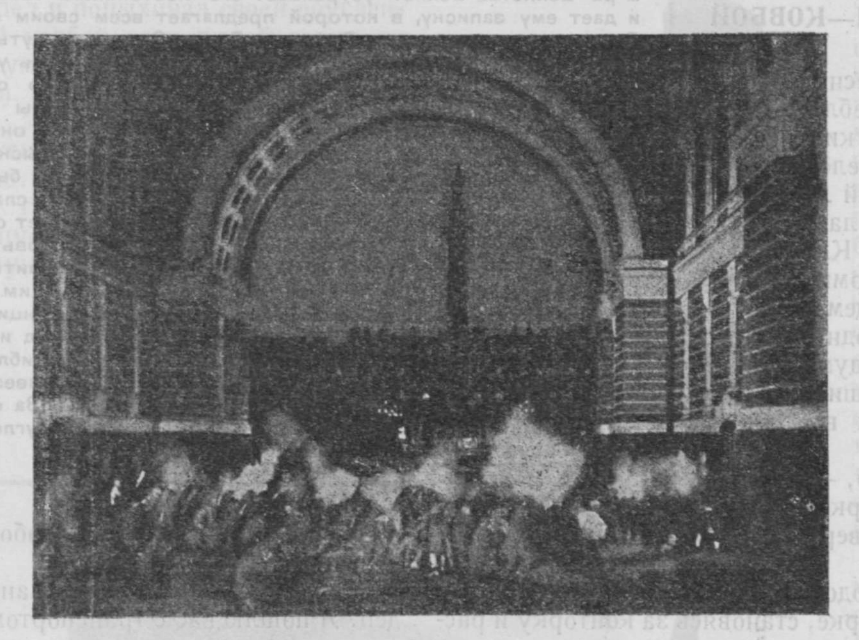
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ПРИ МК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

№ 18 СЕНТЯБРЬ 1927 г.

ГОТОВЬТЕСЬ К ОКТЯБРЮ

Двое ребят в красных штанах с громадными усищами смотрели в пол сцены и вели скучный разговор. В зале было шумно, но не весело. Зрители не слушали пьесы, разговаривали и ждали кино

Перед пьесой был длинный и скучный доклад, после пьесы кто-то пытался плясать под аккомпанемент худой балалайки. Между номерами были антракты по 40 минут, но зрители уже не чувствовали разницы между действием и антрактом. Было одинаково скучно.



Штурм Зимнего дворца в Октябре 1917 года

А, между тем, ребята не скучать пришли на этот утренник. Устраивало его несколько отрядов в большом и оборудованном клубе. Устроители хотели, чтобы ребята хорошо провели время. Вместо этого получилось несколько часов вынужденного безделия.

Три четверти наших утренников проходят таким образом, потому что ребята начинают думать о подготовке за неделю до срока.

Близятся Октябрьские праздники. Каждый школьник, каждый пионер должны подготовить к 10-му Октябрю себя, свой отряд и свою школу.

Ребята, не откладывая в долгий ящик, должны взяться за подготовку Октябрьского вечера.

Октябрьский праздник должен показать, что дала нам Октябрьская революция. Вечер должен показать, какое громадное строительство идет во всем Советском Союзе и как мы сами участвуем в нем, как мы строим свою жизнь, свой отряд и свою школу.

Тут нельзя отделаться наскоро состряпанными утренниками. Каждую мелочь надо продумать заранее. Октябрьский праздник будет смотром нашей работы.

Но плохо будет, если ребята придут на вечер, не зная ничего об Октябре, кроме того, что им расскажут на вечере. В журналах и газетах уже теперь печатаются интересные воспоминания об Октябрьских днях и очерки о строительстве. Выходят новые интересные книги готовятся выставки. Ребята должны впитывать в себя все, что не слишком трудно для их голов.

Это будет и полезно и занимательно. А в Октябрьский вечер и ребята могут внести свои воспоминания о том, как они участвовали в строительстве своей школы, своего отряда, и о том, что они видели вокруг себя.

ДЖОН ВОРКМАН

Повесть ГАНСА ДОМИНИК
Babeл Ameli
Перераб. с нем. М. ГЕРШЕНЗОН
Фотоформление Г. БЕРЕНДГОФА
(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ НОМЕРОВ:

Чарли Бенерс, газетчик „Нью-Йоркского Герольда", получил от своего дяди Т. Б. Смита рекомендательное письмо к заведующему экспедицией „Герольда" — Гарриману. Чарли Бенерс болен воспалением легких. Один из его товарищей, тоже газетчик — Джон Воркман — похищает у больного Чарли письмо. Когда Чарли умирает, Джон отправляется с письмом к Гарриману. Старик обласкал его и обещал устроить на работу через редактора газеты м-ра Беннета. Беннет устраивает его постоянным газетчиком на жалованьи и дает ему записку, в которой предлагает всем своим служащим знакомить Джона с производством. Газетчик Билль Смит чуть-чуть не попался в краже кошелька на улице. Несмотря на то, что ему удалось удрать, его заметили и следят за ним. Заставив Джона сознаться в том, что он использовал чужое письмо, Билль предлагает Джону за сохранение тайны выручить его и сознаться в краже кошелька. Джон не согласен. Тогда они уговариваются подбросить кошелек Саму—тоже газетчику. Во время обыска у Сама подброшенный кошелек был найден. Во время схватки Самом был убит Билль Смит и ранен Джон Воркман. Это событие создало Джону славу. Он задумал сделаться репортером. Изобретательный Джон устраивает общежитие для газетчиков. Это приносит ему постоянный доход и нелюбовь газетчиков, из которых он выкачивает этот доход. Джон решает отправиться на Запад делать карьеру. По дороге он знакомится с Фредом, едущим работать на фермы. Ребята доезжают до станции Спрингсхилл. Но от станции до места их работы 150 миль. Туда проложена узкоколейная дорога. Фред и Джон находят старую дрезину и отправляются. В прерии пожар. Ребята погибли бы, если бы не догадались поставить самодельный парус, который вывез их из огня.

Сам, убивший Билля Смита, убежал из тюрьмы. За его поимку назначена награда. По дороге на ферму Джон находит почти обугленного Сама и выдает его полиции. Лето и зиму Джон работает на ферме.

ГЛАВА 6

ДЖОН ВОРКМАН—КОВБОЙ

Снова пришла весна. Окоченевшие, бурые стебли травы исчезли, в две коротких недели прерия покрылась зеленым ковром. Прошел теплый ливень, и вся прерия запестрела цветами.

— Послушайте, Кларке, — сказал владелец фермы, мистер Хамлей, управляющему.—Пора отправить нам молодняк в Чикаго. 600 быков. Я думаю, хватит десятка хороших ребят, чтобы пригнать их в Спрингсхилл.

— Оль райт, сэр, — кивнул головой мистер Кларке и вышел из комнаты. Но в дверях он столкнулся с Джоном Воркманом.

— Ну, ну, молодой человек, чего вы хотите?—спросил мистер Кларке, становясь за конторку и раскрывая толстую счетную книгу.

— Я хочу с вами попрощаться, мистер Кларке.

— Что так, мистер Воркман?

—Мне нужно уезжать, мне больше нечему у вас учиться.

— Очень жаль, очень жаль, молодой человек. Вы могли бы у нас получать хорошее жалованье. Когда же вы хотите произвести расчет?

— Я хотел сделать это как раз сегодня. Но сейчас я позволю себе обратиться к вам с очень большой просьбой.

Мистер Кларке двумя пальцами приподнял на носу очки и внимательно посмотрел на Джона из-под стекол.

— Ну?

— Я слышал только что ваш разговор с мистером Хамлей. Я не виноват—дверь была открыта. Я бы очень хотел, чтобы вы прикрепили меня к транспорту, который вы посылаете в Чикаго.

Мистер Кларке улыбнулся.

— Видите, молодой человек, проводником скота по железной дороге я послал бы вас охотно. Но гнать гурт 150 миль по прерии, для этого нужны ковбои—парни, которые выросли на лошади и знают все повадки скота.

— В тот день, когда я начал косить у вас,—ответил Джон Воркман,—я косил тоже в первый раз в жизни. Я хотел бы попробовать свои силы и на этот раз.

— Ладно, мистер Воркман. Я вижу, вы молодец. Я пошлю вас с транспортом до Чикаго, но имейте в виду—на ваш риск и страх. Если с вами что случится, пеняйте на себя. Идите к Джо Вильямсу. Ездок он редкий. Скажите ему, что вы будете сопровождать транспорт, и чтобы он вам дал хорошую лошадь. Завтра после обеда приходите за расчетом. Послезавтра с утра уйдет транспорт.

Два часа спустя Джон Воркман стоял перед Джо Вильямсом, главой всех ковбоев фермы. Вильямс отправил своих ребят отделить молодой скот от стада, а пока на досуге занялся едой.

— Так вы хотите ехать с нами, Воркман? Прекрасно. Я видал, как вы управляетесь с машиной. Как будто не плохо. Но вот насчет того, усидите ли вы хоть минуту в седле — в этом я сомневаюсь.

— Я для того и пришел к вам, чтобы попробовать.

Мистер Вильямс был не охотник до разговоров. Он свистнул, и на свист прискакал жеребец—рыжий, не слишком высокий, легкий и статный. Он был оседлан—обычное ковбойское седло с высокой лукой спереди и сзади. Уздечка была накинута на переднюю луку седла, стремена болтались по бокам. Жеребец остановился у самого плеча Вильямса.

— Ну, друг мой, покажите, что вы за человек. Усидите вы или свалитесь—это ваше личное дело.

Джон Воркман никогда еще в жизни не сидел верхом на лошади. Но он насмотрелся, как управляются с лошадьми ковбои, он был молод, ловок и силен. Он спокойно подошел к коню, погладил его и поправил стремя. Потом, во мгновение ока, он сидел уже в седле, держал в руках поводья и старался сдержать лошадь, которая диким галопом неслась с ним по прерии. Джона швыряло, как мешок, и он изо всех сил сжимал колени и чувствовал, что сползает на-бок. Он не видел дороги, он видел только гибкую шею лошади, рыжую чолку и острые уши.

— Упаду. Пропала поездка,—промелькнуло у него в голове, и он вцепился руками в короткую гриву коня.

Джо Вильямс сидел и попыхивал своей обугленной трубкой. Старый ковбой всех людей делил на два сорта: тех, что умеют сидеть на коне, и тех, что никуда не годятся. Он считал, что верховой езде нельзя научиться: с этим человек родится. Если сядешь в седло и не усидишь с первого разу—учись, не учись, толку мало.

— Парень будет годиться,—решил он, когда увидел, что Джон отпустил гриву лошади и поймал ускользнувшую из рук уздечку.

Еще минута — и неопытный всадник с конем исчезли в прерии.

— Оль райт, сэр! Вы поедете на этом жеребчике, — сказал Вильямс, когда час спустя Джон под'ехал к нему, твердо держа в руках поводья.—Мы тронемся послезавтра до восхода. В ту вон проволочную загородку мы сгоним стадо. Будьте здесь послезавтра за полчаса до солнца.

Джон Воркман стоял перед Джо Вильямсом

На другой день после обеда Джон Воркман зашел к мистеру Кларке за расчетом.

— Вы заработали у нас на ферме 586 долларов 15 центов,—откинул на счетах костяшки мистер Кларке.—Кроме того, для вас и для мистера Гаррисона нам переведена премия за поимку Робертса—2.000 долларов; на вашу долю из них приходится 1.000. Еще из «Герольда» вам прислан гонорар—50 долларов. Вот вам, молодой человек, чек в 1.636 долларов 15 центов, вы получите их в Национальном Промышленном Банке в Чикаго.

По расчетам Джона, ему следовало на несколько долларов меньше; он порадовался своей ошибке, и улыбнулся, засовывая чек в карман.

— Будьте добры, распишитесь,—деловито сказал мистер Кларке.—Благодарю вас.—Он спрятал расписку в стол.

— Если вы, молодой человек, разрешите мне дать вам совет,—усмехнулся управляющий,—не кладите вашего чека в карман брюк. Это не просто кусочек бумаги, это порядочная сумма денег. Если вы его потеряете, деньги будут принадлежать первому, кто найдет чек.

Джон Воркман покраснел. Он вытащил из бокового кармана куртки кожаный бумажник, который мать подарила ему в день рождения, и бережно спрятал в него чек. Пожатие рук—и с фермой все было кончено. На завтра он отправлялся в Чикаго.

От фермы до Спрингсхилла было 150 миль, и Джо Вильямс решил проделать этот путь в одну неделю. Это означало—21 милю или 35 километров в день. Полудикие быки могли свободно пробегать в день такое расстояние и не должны были спустить от этого много мяса. При таких перегонах у них оставалось еще достаточно времени для отдыха, для пастьбы и пережевывания жвачки. Джон Воркман со своим ранцем во-время был на условленном месте, у загороди, куда согнан был уже весь молодняк, Вильямс окончательно снарядил его в дорогу. Поверх своих брюк и обмоток Джону пришлось одеть пару огромных ковбойских штанов, покрытых мохнатой овичной; на ноги он прикрутил шпоры.

— Эти украшения можешь теперь снять, — сказал Джо Вильямс, и воротник и галстух Джона отправились в ранец; вместо них Джон повязал на шею красный шерстяной шарф; в руки ковбой сунул ему тяжелый ременный бич, и Джон был готов в путь.

Полчаса спустя караван тронулся. Джо Вильямс ехал впереди, Джон Воркман—рядом с ним. Восемь ковбоев гарцовали вокруг стада и гнали его вперед. Покамест в работе не было ничего сложного. То здесь, то там приходилось подхлестнуть бичом быка, остановившегося, чтобы пощипать траву. То и дело нужно было подгонять отбившееся от стада животное. Так, без всяких задержек Джо Вильямс и его помощники гнали скот в течение восьми часов, а потом остановились и устроили привал до следующего дня.

Когда на второй день Джон сел в седло, ему казалось, что он не выдержит и пяти минут: так отчаянно болели у него ноги. Но к концу дня он уже не замечал усталости. На третий день он едва поднялся на ноги, едва дотянулся до стремени, каждый шаг лошади отдавался жестокою болью во всем теле. На четвертый было куда легче, а на пятый Джон чувствовал себя уже заправским ковбоем. До Сприн-

схилла оставалось только два перехода, и погонщики развеселились—всякому казалось, что дело уже сделано, до спрингсхиллского бара рукой подать, на языке уже чувствовался вкус крепкого, жгучего виски.

В этот день с вечера выглянула луна, но скоро ее затянуло тучами. Тучи становились все чернее, все ниже нависали над землей. Джон лежал у полупотухшего костра. Он крепко спал, завернувшись с головой в одеяло, когда его встряхнула сильная рука Джо Вильямса.

— В чем дело?—удивился он, продирая глаза.

— Вставай, парень, в воздухе неспокойно. Нужно быть на-чеку.

Джон вскочил на ноги. И правда, что-то было неладно. Порывистый ветер мел и крутил пыль, по траве в неверном свете луны ходили волны. Лошади рвались на привязи, тянули ноздрями воздух и боязливо ржали. Быки, которые обычно в это время спокойно паслись или лежали, пережевывая жвачку, сбились в кучу и глухо мычали.

Джо Вильямс посмотрел по сторонам, подошел к своему коню и крикнул:

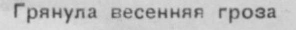
— На коней, ребята!

В следующую минуту Джон сидел уже в седле, на своем рыжем «Билли», другие погонщики—тоже И во-время.

Небо сразу раскололось в двадцати местах, молнии засверкали ослепительным огнем и грохочущий гром повис в воздухе. Грянула буйная, могучая весенняя гроза. Гроза надвигалась сразу с трех сторон, короче и короче становились мгновения между проблеском молнии и раскатом грома, удары становились сильней, а быки—беспокойнее.

Глаза ослепила яркая молния, и оглушительный гром расколол небо. Язык желтого пламени метнулся возле ковбоев, ударил в стадо, оглушил и убил несколько быков. Тут случилось то, чего боялся Джо Вильямс. В паническом страхе сорвались с места несколько быков и понеслись прочь—и стадо за ними. Джон понял теперь, что быки всю дорогу проделали шагом—с такой стремительностью мчались они теперь, таким неистовым, бешеным галопом; под тысячами копыт дрожала земля, лошади ковбоев с трудом поспевали за стадом. Скачка началась. Чей-то бич тяжело хлестнул коня Джона Воркмана, конь рванулся, и он еле удержался в седле. Конь бросился в ночь, он летел, вытянувшись в струну. Когда Джон овладел собой, он увидел при свете скрежещущих в небе молний, что бок о бок с ним скачет Джо Вильямс и что рядом с ними большая часть ковбоев. Но позади, в двух шагах от них, неслось обезумевшее стадо быков. Джона сразу обдал холодный пот: он понял, что это значит. Споткнись лошадь и упади со своим всадником—стадо пронесется над ними, растопчет, не оставит следа. Сорвешься с седла—смерть. Только в седле было спасение и в бешеном, диком галопе.

Уже час длилась эта скачка по прерии. Тут Джон Воркман почувствовал, что Джо Вильямс толкает его вправо. Стадо неслось вперед попрежнему, но бег немного замедлился, можно было снова повести быков за собою. Передние быки бежали за лошадьми, все стадо—за передними быками. По мере того, как ослабевал галоп, Джо Вильямс вел стадо назад, к узкоколейке. Описав огромную дугу, стадо вернулось на прежнее место. На возвращение ушло два часа, но теперь уже стадо было опять послушно ковбоям. Они окружили стадо со всех сторон, защелкали, засвистали бичи, и стадо остановилось. С высоко вздымающимися боками, с висящим, точно тряпка, языком, одно животное за другим стало опускаться на землю там, где стояло. Гроза, между тем, сменилась дождем, затем и дождь прекратился, облака рассеялись, и луна осветила равнину.



Грянула весенняя гроза

Прежняя стоянка была недалеко. Джо Вильямс, осмотрев стадо, послал нескольких ковбоев за брошенными одеялами, палатками и запасами провианта и спрыгнул с коня.

— Большие потери?—спросил его Джон Воркман, соскакивая с седла и разминая затекшие ноги.

— Слава богу, отделались малым. Молния убила только трех быков, да еще один затоптан на смерть. Могло быть хуже. По крайней мере, удалось собрать все стадо. На моей памяти бывали случаи, когда не удавалось спасти и пятой части скота.

— Мистер Вильямс,—спросил Джон,—почему вы бросились вперед, под самые рога быков? Это было нарочно?

— Это была единственная возможность овладеть стадом. Тут, друг мой, не приходится беречь свою шкуру. А ты, парень, молодец—твое счастье, что усидел в седле. Я уж думал, придется тебе проститься с этим светом.

Остаток ночи прошел спокойно, а через два дня стадо остановилось у станции Спрингсхилл. До утра пришлось ждать поезда, а на утро состав в 60 желез-

ных товарных вагонов выполз из серой мглы. Для ковбоев началась тяжелая работа. По одному вылавливали они своими лассо быков из стада, потом навязывали им на глаза толстый мешок. Послушных слепых животных загоняли по сходням в вагоны, привязывали там их к кольцам, ввинченным в стены, потом запирали железные решотки вагонов. Чуть не полдня ушло на то, чтобы погрузить в поезд 596 быков.

С поездом приехало 40 человек проводников. Джон Воркман передал проводникам записку мистера Кларке и присоединился к ним.

В прерии быки за все семь дней пути пили один только раз: там была сочная, свежая трава. Теперь их нужно было поить два раза в день. Скоро руки Джона вспухли и покрылись волдырями: сено полно было колючек, и каждому быку нужно было натаскать столько тяжелых ведер воды! Еще прежде, чем тронулся поезд, Джон твердо решил, что в последний раз в жизни работает проводником скота.

Джо Вильямс и его ребята попрощались с проводниками и с Джоном и поскакали во всю прыть по направлению к ферме. Паровоз свистнул, будто хотел разбудить мертвых, поезд, громыхая и мыча, перешел с боковой ветки на главную линию, и телеграфные столбы замелькали мимо быстрей и быстрей.

Оранжевый шар солнца опускался к горизонту, тонул где-то далеко, в беспредельном просторе прерий.

ГЛАВА 7
СТАЧКА СОРВАНА

В кармане у Джона лежал адрес дешевых меблированных комнат, его дал ему Фред Гаррисон. Но Джон решил, что успеет пойти туда и вечером. Прежде нужно было посмотреть Чикаго. Долго бродил он по улицам гигантского города, сворачивая то вправо, то влево, как вздумается, без всякой определенной цели. Его радовало движение, кипевшее во всех закоулках города—это была та же ньюйоркская суетня, по которой он стосковался на ферме.

Неожиданно дорога привела его на то же место, откуда он вышел—к громадным зданиям Армоpовских скотобоен.

— Вот тебе и на,—засмеялся Джон,—оказывается, я бежал по кругу, как наше стадо в грозу!

В это время кто-то положил ему на плечо руку. Это был старик ирландец, тот проводник, который, лежа в вагоне на охапках развороченного сена, рассказывал ему свою жизнь.

—Ты лег [redacted] ок на помине, малый. Я говорил про тебя толь [redacted] ко что с мистером Штурманом.

Джон пожал [redacted] руку спутнику старика.

— Я сказал, [redacted] стало быть, мистеру Штурману, что надо бы [redacted] тебя устроить машинистом что ли, или упа [redacted] ковщиком, чтобы поменьше тебе шляться [redacted] по Чикаго.

— А вы, мистер Штур [redacted] ман, работаете тоже у Армора?

— Я работаю в упаковоч [redacted] ном отделении,— кивнул головой человек.—На [redacted] ферме вы, значит, работали машинистом?

— Я хорошо знаю трактор, сельскохозяйственные машины, гидравлический пресс.

— Если вы не врете, молодой человек,—сказал мистер Штурман,—то я вас поставлю на место. Вам это обойдется в месячное жалование.

— Как так, месячное жалование?—удивился Джон.

Мистер Штурман засмеялся.

— Это значит, первые четыре недели твое жалованье идет мне. Квартира у тебя уже есть?

— Нет,—все больше изумля [redacted] ясь, ответил Джон.

—Значит дело сделано? [redacted] — спросил мистер Штурман.

— Сделано, —по [redacted] колебавшись, сказал Джон.

— Ладно. [redacted] Завтра в 7 часов будь у 1-го под'езда, ск [redacted] ажешь привратнику, что ты ко мне. А сейчас пойдем выпьем.

Джон Воркман знал, что теперь ему полагается угостить своих новых друзей, и пригласил их в пивную.

— Единственное, что досталось мне от отца в наследство—это жажда,—сказал мистер Штурман, ставя опорожненный стакан на стол.—Еще дедушка мой должно быть привез ее с собой на паруснике из Гамбурга лет 60 тому назад. Так где же ты будешь жить, паренек?

Тут только Джон заметил, что стало уже темно.

— Я собирался в меблированные комнаты, у меня есть адрес,—сказал Джон.

— Ну вот еще, стоит тебе на ночь глядя рыскать по городу! Вали ко мне. У меня как-раз третьего дня квартирант с'ехал, комната свободна. Так, старина?—обратился мистер Штурман к ирландцу.

— Так, так,—кивнул головой старик.—Только ты не очень дери с мальчишки.

— Это дело не мое, это дело женино. С нею условливаться будет, с нею и торговаться. А нам, паренек, так удобнее—завтра вместе и двинем к Армору.

Час спустя Джон сидел уже в маленькой, но чистой квартире мистера Штурмана и ужинал за общим столом. Миссис Штурман заломила за комнату изрядную цену, да еще поставила условием полный пансион. Джону неудобно было отказаться, на первое время он должен был итти на все условия.

— Вот устроюсь на работу, тогда поищем чего-нибудь подешевле,—успокаивал он себя.—Зато он устроит меня к Армору.

Через неделю Джон приступил к работе на предприятии Армора и К°. Он попал в холодильники, где тысячи быков и свиней, убитые, но не разделанные, ждали отправки в вагонах-ледниках во все крупнейшие города Америки. Работа его заключалась в том, чтобы смотреть за огромными холодильными машинами, которые приводились в действие еще более мощными паровыми двигателями.

Уже через несколько дней Джон научился по слуху определять, правильно ли работают машины.

Но эта работа казалась Джону еще скучнее, еще однообразней, чем работа на ферме. Рядом с ним в том же машинном зале, каждый на своем месте, стояли десятки машинистов. Джон с ужасом смотрел на их одеревяневшие, отупевшие за долгие годы ра-

боты лица. Он знал, что они всегда голодны, что их семьи еле-еле перебиваются. Он видал, как они выходили на работу больные, как они напрягали всю свою волю, чтобы не свалиться в обморок тут же, возле своего станка, своего рычага, своего поршня, потому что боялись лишнего вычета из грошовой платы за свой каторжный труд. Джон и сам с трудом жил на свое жалованье. Сперва он отдавал весь свой заработок мистеру Штурману, потом он задолжал ему за квартиру, за стол и еле вылез из этих долгов. Теперь ему удалось найти комнату подешевле, он стал лучше питаться, но в конце месяца он каждый раз с огорченьем видел, что у него от жалованья оставались гроши.

Даже учиться он здесь не мог. Ему не удалось осмотреть предприятие, на котором он работал. Он приходил на работу через определенный под'езд, надавливая кнопку контрольной машины, которая с точностью до секунды отбивала время его прихода на талоне, по которому потом вычислялась его недельная получка. Определенной дорогой проходил он в свое машинное отделение и переодевался. Он принимал машины от своего предшественника, простаивал возле них восемь часов и передавал их следующей смене. Той же дорогой возвращался он домой, и не мог даже краешком глаза заглянуть в другие отделения заводов.

Только раз случилось Джону Воркману осмотреть внутренность холодильников. Трубы, по которым подавалась в холодильники охлаждающая жидкость, потребовали полного осмотра на всем протяжении в несколько километров. Нужно было проверить каждое колено, каждую сцепку. Для этого понадобились люди, и Джона взяли на сверхурочную работу. С бригадой из 12 человек он вошел в помещение холодильников и час за часом, проверяя проводку, то подтягивая гайку, то отмечая места, требующие капитального ремонта, он осматривал эти гигантские мясные склады. Мясо, мясо, мясо — оно висело и лежало здесь в невообразимых количествах. Сотни обыкновенных ртутных термометров были развешаны по бесконечным залам, и всюду была одна и та же температура — 1^0 выше нуля по Цельсию. В наиболее важных местах были установлены особые термометры, которые, при помощи электрического тока, о малейшем изменении температуры сообщали в кабинет управляющего холодильниками. В любую минуту, не сходя с кресла, он знал, какова температура в том или другом зале.

Прошел еще месяц в утомительной, однообразной работе. Джон тщетно искал случая перейти в другое отделение, выдвинуться, завоевать себе лучшее место на заводе. Он стал подумывать о том, чтобы уйти с Арморовских мясных заводов.

Но тут неожиданно дело приняло другой оборот. Надзиратель холодильного отделения, Мак Клюр, уволил одного из машинистов. Нужно было его кем-нибудь заменить.

— Мистер Воркман, — сказал Мак Клюр Джону, — вам придется сегодня смотреть еще за двумя машинами. И вам придется нести полторы смены.

— Есть, сэр, — ответил Джон, проверяя высоту давления в котлах.

Когда Мак Клюр ушел, итальянец Томазелли, который работал рядом с Джоном, подскочил к Джону и, сверкнув сердито прищуренными глазами, спросил его:

— Мистеру Джону известно, за что рассчитали Коннора?

— Нет, а какое мне дело? — спокойно ответил Джон.

— Какое дело? — вспыхнул итальянец. — Какое дело? Разве он тебе не товарищ? Ты — вредная змея, — коверкая английский язык, захлебывался Томазелли. — Мак Клюр прогнал его за то, что Коннор записывал рабочих в союз. Коннор — наш главный товарищ. Мы через час все бросаем работу. Ты продажная шкура, ты мерзавец портишь нам все дело.

Джон повернулся к нему спиной. Итальянец, весь дрожа, погрозил ему своим маленьким кулаком и выругался по итальянски, не находя от негодования подходящих английских слов.

Смена, в которой работал Джон, должна была работать до 4 часов ночи. Но уже в час ночи в машинном отделении холодильников осталось только четверо машинистов — Джон Воркман, Клеменс и еще двое.

— Вы получите за каждый час тройную плату, — сказал Мак Клюр, входя в отделение. — Этих бездельников мы выгоним вон, всех до одного. Справитесь с машинами, ребята?

— Справимся, сэр, — ответил Клеменс.

— Вам придется работать до 8-ми утра.

Мак Клюр повернулся к выходу. Но Клеменс окликнул его.

— Как бы нам не намяли бока у выхода, сэр.

— Не беспокойтесь, я дал знать в полицию.

— Пусть присмотрят за этой чумазой обезьяной, — добавил Клеменс. — Томазелли грозил мне ножом.

— Спокойно работайте, ребята, все будет в порядке.

У Джона кошки скребли на душе. Он понимал, что делал подлость. Несколько лишних долларов не прельщали его—ради этого не стоило рвать с товарищами по работе. Но он понимал, что подошел к рубежу. Или—или. Он мог бросить работу и на всю жизнь остаться рядовым рабочим. А, перешагнув рубеж, он сразу становился в ряды тех, кто владеет деньгами и миром. Он быстро взвесил все за и против и твердо стал на сторону Мак Клюра, Армора, Беннета, Форда, Моргана.

— Ох, и выпьем же мы сегодня всласть,— прищелкнул языком Клеменс, красноносый, с припухшим лицом и бесцветными глазами старого алкоголика.

Джон Воркман взглянул на него и брезгливо поморщился.

За свои машины Джон был спокоен: они работали верно, бесперебойно, точно заведенные часы. Он отошел в сторону и принялся осматривать брошенные забастовавшими машины. Его взгляд скользил по работающим стальным частям. Он смотрел, как ходят взад и вперед гигантские поршни паровых машин, как мчатся маховые колеса в два человеческих роста, как могучие пассы передают движение холодильным машинам. Потом его взгляд упал на большие стеклянные сосуды со смазочным маслом. Они стояли в блестящих никелированных чашах, и по тонким медным трубкам масло поступало из них к различным частям машин, которые требовали непрерывной смазки. Это масло всегда было прозрачным и желтым, точно чистый мед. Таким оно было всегда в машинах, у которых работал Джон. Но здесь... Джон невольно бросился к своей машине. Что случилось? Полчаса назад он налил в свой сосуд чистого, светлого масла, а сейчас оно было темным, черным, как и в новых машинах.

Одним прыжком Джон подскочил к сосуду с маслом, сорвал с него крышку и плеснул масла на тряпку. Масло протекло сквозь материю, а на тряпке остались черные крупинки в роде песка.

Ни минуты не медля, Джон бросился в кабинет Мак Клюра. Инженер сидел перед доской с термометрами, которые показывали температуру в холодильных залах. Он раздраженно обернулся к Джону Воркману.

— Это что такое? И вы бросили работу? И так с тех пор, как эти скандалисты ушли, температура поднялась на два градуса...

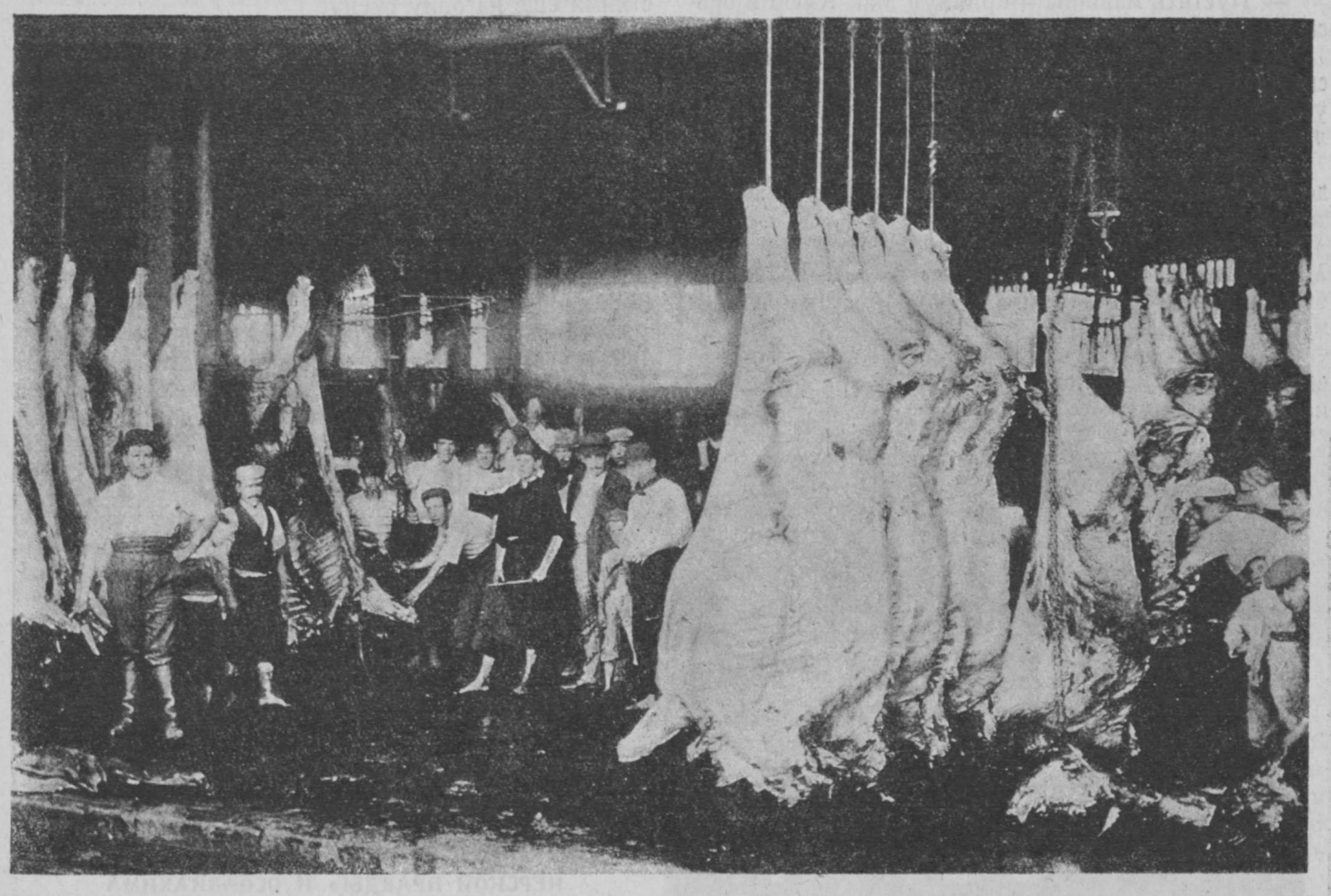
— Там что-то не в порядке,—перебил его Джон.— Посмотрите, что стало с маслом!

Джон протянул инженеру тряпку, покрытую черным песком.

Мистер Мак Клюр вскочил, точно ужаленный. Он схватил грязную, вонючую тряпку и прикусил ее зубами.

— Это наждак!—крикнул он, побледнев как полотно.—Остановить машины!

В десять секунд его приказание было исполнено. В огромном зале, где день и ночь слышно было глухое, ровное дыханье паровых машин, свист клапа-



Мясо, мясо, мясо—оно висело и лежало здесь в невообразимых количествах

нов холодильников, густой гул приводных ремней, в этом зале теперь сразу воцарилась мертвая тишина.

Мак Клюр бегал от машины к машине. Не могло быть никакого сомнения. Забастовавшие перед уходом всыпали наждачного порошка в масло, чтобы остановить завод.

— Мистер Воркман,—подозвал к себе Мак Клюр Джона.—Я думаю, вам можно верить. Вот ключ от камеры с маслом. Скорей принесите галлонную банку вазелинового масла... Не забудьте запереть камеру!—крикнул он вдогонку Джону, который уже исчез за дверьми.

Когда Джон вернулся, Мак Клюр с Клеменсом и еще двумя машинистами с лихорадочной поспешностью приводил в порядок одну из машин. Трубки, по которым поступает масло, были уже отвинчены. Черное масло было вылито из сосуда в жестяную ванну, машинисты продували трубки, оттирали паклей части машин.

— Керосина, мальчик, скорей керосина! Самую большую жестянку!

Керосин налили в другую, чистую ванну, потом принялись за мытье. Каждый сосуд был вычищен, вымыт так, что не осталось нигде и крупинки наждаку. Каждая трубка была промыта керосином—раз, и другой, и десятый. Потом началась сборка сосудов и трубок, установка их на машины. Джон работал так, как-будто спасал свою жизнь.

— Еще масла, Воркман!

На этот раз маслом наполнили сверкающие сосуды и ручными насосами накачали его в трубки.

— Пустить машины!—крикнул Мак Клюр и бросился в свой кабинет.

— Четыре градуса выше нуля!—воскликнул он, снова вбегая в машинное отделение. Две машины уже работали, машинисты с остервенением принялись мыть и прочищать другие.

— Больше пару!—приказал инженер.—На три деления выше красной черты. Если манометры не выдержат—чорт с ними.

Еще одна машина была приведена в действие. Маховое колесо вращалось быстрее, чем обычно, будто хотело наверстать работу остановленных машин.

— Пять градусов в холодильнях!—чуть не плача, воскликнул Мак Клюр.—При восьми градусах мясо начнет портиться.

Он сам чистил и мыл керосином части машин, его белоснежная, туго накрахмаленная манишка стала бурой от пятен. Он звонил во все отделения завода, но машинисты бастовали всюду—уволен с завода был не один только Коннор.

К шести утра работало уже пять машин, потому что в четыре часа стало на работу трое машинистов из утренней смены. К восьми часам из 16 машин работало уже девять. Они работали при давлении в 4 атмосферы, регуляторы были отвернуты до отказу, число оборотов в минуту было 180 вместо 120.

Теперь только в холодильнях перестала повышаться температура. Полчаса уже термометры стояли на 7° выше нуля, появилась надежда спасти мясо.

Мак Клюр бегал от одной машины к другой, весь испачканный, с масленкой в руках.

— Внимательней, ребята, одна крупинка наждаку, и у нас могут загореться оси!

Потом он снова летел к телефону и звонил техническому директору.

— Дайте мне людей,—кричал он,—у меня сгниет мясо и разорвутся котлы!

С каждым часом новая машина вступала в работу. Столбики ртути медленно, но верно поползли вниз.

С двух часов дня с биржи стали приходить новые рабочие. Некоторых Мак Клюр отправлял без долгих разговоров, некоторых принимал и немедленно ставил к машинам. К вечеру ему удалось уже пополнить новыми людьми все три смены. Но им нельзя было еще доверить целиком всю работу. Джон Воркман и еще двое машинистов остались с ними еще на одну смену.

Тридцать часов спустя после того, как Джон стал на работу, он оставил машинное отделение. Когда он уходил, Мак Клюр подозвал его к себе и горячо пожал ему руку.

— Ну-с, мистер Воркман, теперь можно и выспаться. Сегодня же я поговорю о вас с директором. Мы не забудем вашей добросовестной службы.

У ворот взвод полисменов сдерживал толпу бастовавших рабочих. Но тяжелый булыжник перелетел через их головы и просвистел мимо уха Джона Воркмана.

— Бей штрейкбрехеров!—услышал он за спиной многоголосый крик и ускорил шаги.

— Полиция знает свое дело,—усмехнулся Джон Воркман, отирая выступивший на лбу пот.

СДЕЛАЛ ЛИ ТЫ ПРОТИВОГАЗ НА КОНКУРС?

ПРОТИВОГАЗ—ЛУЧШИЙ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

КАЖДЫЙ ДЕНЬ В РЕДАКЦИЮ «ПИОНЕРА» ДЕСЯТКАМИ ПОСТУПАЮТ ПРОТИВОГАЗЫ РАЗНЫХ ФОРМ И ВЕЛИЧИН НА КОНКУРС «ПИОНЕРА», «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ» И ОСОАВИАХИМА

ЛИТВИНОВО — ЗВЕНИГОРОД — ЛИТВИНОВО

Очерк Н. ШАМЕТА
Фото Н. СОЛНЦЕВА

Поход—заманчивая вещь. В этом году многие отряды и звенья отправлялись в походы, но не всегда они проходили организованно. Чтобы улучшить походы, надо обмениваться опытом. „Пионер" освещает поход одного лагеря, чтобы в будущем читатели „Пионера" могли использовать опыт этого похода

Переход через Нару

ПОХОД

Посмотрите с аэроплана на землю. Вы увидите, как она покрыта сеткой из тонких ниток—тропинок, бичевок—проселочных дорог и толстых канатов—шоссе. Три дня с картой в руках пробирались по этой путанице пионеры из лагеря 17, 24 и 104 отрядов Сок. р-на г. Москвы по дороге Нара-Фоминск—Звенигород. С мешками за плечами, босоногие, загорелые, как арабы, шли 20 пионеров в поход из дер. Литвиново в Звенигород—40 километров.

НЕМНОГО ПОСПЕШНО

Разговоры о походе начались еще задолго до дня выхода. Устроили маленькую репетицию: лагерь—Нара-Фоминск (8 килом.). Но сборы в поход были очень коротки—многие ребята лишь вечером начали приготовлять походные мешки и доставать оборудование. «Поспешишь—людей насмешишь». В справедливости этой пословицы пришлось убедиться ребятам на своей шее. Топор был настолько туп, что на его острие безопасно можно было сплясать русского. Многие предметы пришлось ребятам нести в руках, а ведь одно из основных правил похода—руки должны быть свободны. Перед походом не было проверено, все ли по списку захватили ребята с собой. В результате, едва ли в большинстве мешков можно было найти зубной порошок и щетку. Ребята не были хорошо ознакомлены с маршрутом похода. Таковы были недостатки подготовки.

... Миллионы искр летят в темное небо. Кажется, что над головой теплое черное одеяло, а искры костра прожгли в нем много-много маленьких дырочек-звезд. У костра весь лагерь слушает беседу о походе. Потом каждый из ребят говорит свое пожелание идущим в поход.

— Ознакомиться как следует с Звенигородом!

— Побольше есть картошки!

— Никого не потерять!

После этого посыпались обратные пожелания—остающимся в лагере.

Уже поздно; в небо-одеяло летят две пионерракеты: одна уходящих в честь остающихся и другая остающихся в честь уходящих.

7 ЧАСОВ УТРА

Проглотив поспешно по кружке чая и куску хлеба с маслом, экспедиция переезжает на лодках Нару, выстраивается цепочкой и под мерный треск барабанов трогается в путь. Впереди знамя, сбоку два плаката: один агитирует за Осоавиахим, другой сообщает о цели похода «Литвиново—Звенигород».

Тропинками и дорогами выбираются на шоссе. Солнце старается до отказа, и загорелые тела ребят напоминают цветом румяные блины, обильно смоченные маслом—потом. Шоссе то идет вверх, то опускается вниз.

ПЕРВЫЙ ПРИВАЛ

Шоссе прерывается мостом. Все лезут вниз, в воду. Вода холодная, ключевая. Тем приятнее

Очередь за чаем

побултыхаться в ней и чувствовать, как от холодной воды освежающе горит кожа. После купанья — завтрак. Кое-кто долго нюхает сваренные еще в лагере яйца. На лицах у нюхающих ясно видна тяжелая

Бр-рр! Студеная вода из колодца приятно освежает тело

борьба, наконец, с тяжелым вздохом, густо посоленное яйцо с'едается—голод не тетка.

Горн зовет всех наверх, на шоссе. Все дальше и дальше идет цепочка.

Прошли можайское шоссе, и вдали показалась железная дорога и ст. Кубинка.

— Ну, ребята, еще немного осталось—пройдем Кубинку и сделаем большой привал.

По дороге расспрашивают какую-то старушку, сколько итти до ближайшей речки. Старушка сообщает с охами и кряхтеньем, что осталось еще с $^1/_2$ версты. Все верят и оживляются. Но, увы!

Прошли версту, а никаких признаков воды нет. Все дружно ругают старуху, пока чьи-то зоркие глаза не замечают на дороге мост.

Речка под мостом довольно жалкая—цыпленку по колено. Но приходится довольствоваться и ею.

Рядом с шоссе прекрасная полянка, и на ней разбивается стоянка. Часть ребят оборудуют костер, часть отправляется за водой, а остальные за хворостом. Скоро целая гора его возвышается рядом с весело пылающим костром. В ведре сердито булькает каша, а в чайнике фырчит вода. Вокруг костра хлопочут повара, а остальные ребята, расстелив одеяла, жарятся пузом на солнышке.

Цепочкой в кооперативную чайную

ДАЛЬШЕ

Больше четырех часов длился отдых. Солнце уже утомилось и его косые лучи не так страшны. Надо итти дальше. Решили остановиться на ночь в селе Шарапове, не доходя 10 км до Звенигорода.

Костер засыпается, место стоянки приводится в прежний вид. На шоссе строится линейка, подсчитываются. Двух ребят нехватает — исчезли. Кто-то сообщает, что они, забрав карту, ушли вперед одни. Только что тронулись, как из-под кустов вылезают беглецы и с радостными улыбками направляются к строю. Все останавливаются и беглецам устраивается основательная проборка.

Все чаще и чаще начинают встречаться села. Ребят поражает обилие новых и строящихся изб. При входе в деревню все подтягиваются, барабанщики и горнисты щеголяют своим искусством. Все население деревни выскакивает на улицу и с удивлением смотрит на ребят. Более юная часть населения со всех ног бежит за строем. Вот бежит какой-то пузан лет шести, раскрыв рот, он с удивлением смотрит на пионеров. Вдруг—хлоп, он спотыкается о дорогу и падает. В другое бы время он задал реву на всю деревню, сейчас же он быстро поднимается и продолжает бежать. Тщетно некоторые матери кричат своих детей—им сейчас не до домашних работ.

30 КИЛОМЕТРОВ ПРОЙДЕНО

Начинает темнеть, когда ребята вступают в Шарапово. На ночлег располагаются в школе. В Шарапове был хороший отряд пионеров, но он развалился, а сейчас пионеры недавно опять организованы. Их всего 14 человек.

А вечером рядом со школой собрались московские пионеры и деревенские пионеры и ребята для беседы. Вместо костра посередке тесного круга стояла самая простая керосиновая лампа. Сначала спели все вместе несколько знакомых всем песен, а потом московские пионеры спели свою песню, а деревенские – свою. После беседы о работе московских пионеров разучили, как произносится «будь готов» на всех языках и небольшую коллективную декламацию. Смычку закончили ракетой и коллективным «до свиданья».

В школе ребят ждал приятный сюрприз—тюфяки детской площадки. Не скоро заснули ребята, распираемые массой впечатлений. Но вот кое-как успокоились и едва ли пушечные выстрелы смогли бы разбудить спящих.

РЕКА, РЕКА...

Солнце только что встало и не успело еще как следует протереть свои заспанные глаза, как пионеры уже выступили из школы.

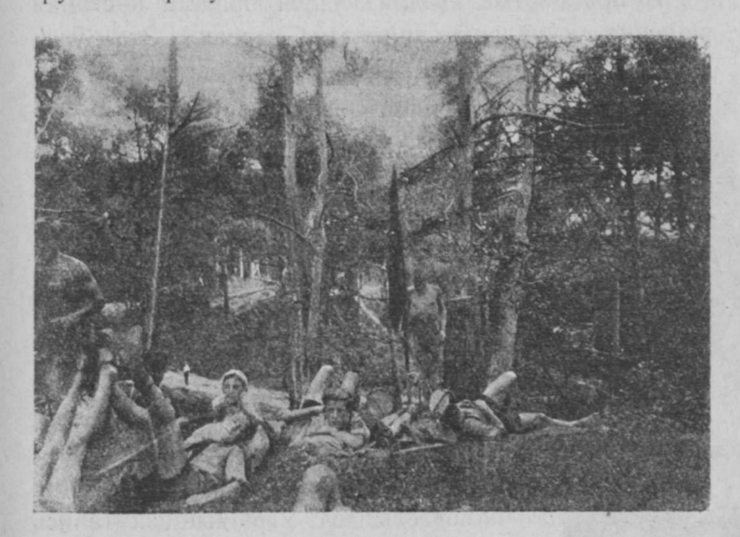
До мостика у конца деревни пионеров провожают деревенские ребята и пионеры. У мостика они останавливаются и коллективно кричат «до свиданья» (научились этому вчера на беседе). Дорога дальше идет лесом с массой костеники, прохладно и легко итти. Ребята шагают хорошо, в ногу и быстро.

Местность начинает принимать приречный вид. Где-то здесь должна быть Москва-река. Глаза всех шныряют по окрестностям, но без всякого резуль-

тата. Вот и деревня, в которой голодные желудки ребят должны были найти успокоение. Увы, этой надежде не суждено было осуществиться—молока в деревне не оказалось, а кооператив был закрыт. Правда, крестьяне говорили, что он скоро откроется, но другие поправляли их и сообщали, что он откроется через 3 часа.

В ожидании экспедиции, посланной в деревню за продуктами, ребята расположились у Москва-реки, оказавшейся тут же за деревней. «Широкая река плавно катила свои глубокие воды»—так описываются реки в хрестоматиях и у Фенимора Купера. Немножко иначе было в действительности. Река-то была широкая, но глубиной она была по пояс, и ребята принялись в ней бултыхаться.

Но вот прибыла с печальными лицами и пустыми руками продуктовая экспедиция, и надо было тро-



Все блаженствуют, отдыхая от долгого пути

гаться дальше. Голодные желудки подгоняли ребят, и они быстро достигли Звенигорода, возбуждая всеобщее удивление своим видом.

У ЦЕЛИ

В кооперативной чайной ребята отвели свою душу, поглотив невероятное количество хлеба с маслом и еще более невероятнейшее количество стаканов чая. Все пришли в благодушное настроение и с трудом выбрались из чайной.

Звенигород изрезан целой сетью оврагов и возле одного из таких оврагов на горке расположились на отдых ребята. Для поисков помещения под ночлег и за газетами были посланы ребята, а остальные занялись играми.

Тем временем на город начала наползать зловещая черная туча. Вдали были видны полосы жесточайшего дождя. Положение становилось угрожающим, но тут, к счастью, явились посланцы и повели всех в школу. Отряда в Звенигороде не оказалось. «Был, да распущен за распущенность».

Гроза смилостивилась и прошла боком. Все отправились в столовую Дома Крестьянина обедать, а оттуда в Звенигородский музей.

Музей помещается в бывшем Савва-Сторожевском монастыре, а теперь грандиозном доме отдыха на 1.100 человек. Музей оказался закрытым, и все отправились на спорт-площадку. Скоро закипел бой между командой пионеров и отдыхающими. Он кончился не в пользу пионеров с результатом 7 : 3.

Засыпали все незаметно, под мерное течение увлекательной повести, на соломе, натасканной из овина.

Проснулись поздно. Вставать не хотелось и поэтому, лежа в постелях, выбрали редколлегию походной стенгазеты и название для нее—«Мы в походе».

После чая и генеральной уборки отправились в музей.

После осмотра старинного собора с расчищенной древней живописью отправились в школу.

По дороге ожидало неприятное известие: по понедельникам все в городе закрыто. Ребятам почти угрожала голодная смерть. К счастью, один магазин оказался открытым, и хорошая порция колбасы с хлебом и чай заменили обед.

ОБРАТНО

— Спа-сибо! До-сви-да-ни-я!—и отряд поворачивается и идет в обратный путь.

Обратно итти было легко: почти все запасы были с'едены, ребята уже привыкли к походному строю, и окрепшие мускулы ног понесли всех быстро и радостно домой.

Десять км до Шарапова проглотили быстро.

Быстро оборудован привал в знакомой школе. Один из ребят, желая показать свое удальство, пытался сделать в воздухе сальто-мортале. Маленькая ошибка в расчете и школа загудела от удара головой о пол. После здоровенной кружки молока пострадавший быстро оправился.

Рано утром выступили в поход, оставив нескольких ребят в Шарапове, чтобы научили деревенских пионеров новым песням и игре на барабане и горне.

Небо было затянуто облаками и солнце изредка прорывалось сквозь них. Быстро шли ребята под горн и барабаны.

У замечательного портрета Рыкова в доме отдыха

ЧТО ДАЛ ПОХОД

1. Ребята окрепли, загорели, закалились.
2. Все стали дисциплинированнее, организованнее.
3. Ознакомились с Звенигородским уездом.
4. Помогли деревенским пионерам.

КАРМШАК, АЛАЙСКИЙ ПАСТУХ

Очерк Н. ДИЛИГЕНСКОЙ

Кармшак дрожал под рваным чапаком. Холодно, уж как холодно зимним утром в юрте! Даже в юрте такого сильного богатого бая, как хаджа Кельды. Правда, Кармшак спит около самого входа; холодный ветер Алайских гор свободно дует в щели между кошмами. Хорошо, если бы можно было лечь там, у теплой стенки, поближе к очагу, под ватным одеялом, на шерстяной кошме. Но у Кармшака нет одеяла, а кошма под ним рваная, истертая. Кармшак—всего только батраченок, пастух, да еще к тому же сирота. Каждый день пасет он овец и коз толстого хаджи. Темно еще в юрте, но Кармшак, ежась, слышит: за стеной юрты забрехали уже голодные собаки, заблеяли овцы в загонах, и старший батрак завозился у входа. Пора вставать и, проглотивши несколько ложек холодной мучной болтушки—атала, гнать в горы сотню овец и баранов на подножный корм.

Скалы на Памире, у подножия люди

Высоки Алайские горы и суровы. Они поднимают свои снежные вершины в самом сердце Средней Азии, в горной Киргизии. Дальше все круче под'ем, все трудней дорога, дорога в мрачную горную страну Памир. А в другую сторону—недалеко и граница западного Китая. Горный аул, где живет Кармшак, прилепился у входа в узкую горную щель среди скал. Ущелье засыпано снегом, на дне его, бурля среди обледенелых камней, мчится холодная горная речка. Штук восемь островерхих войлочных юрт да несколько рыжих глиняных мазанок, усыпанных снегом, карабкаются вверх по склону горы. Глиняными низкими заборами отгорожены загоны, где ночует скот — бараны, овцы, козы, маленькие горбоносые лошади и длинноногие злые верблюды. У богатого пузатого бая, хозяина Кармшака, есть и быки-яки, по-киргизски — кутасы. Лохматые, с длинными волосатыми хвостами, горбатой спиной. Ни одна лошадь не пройдет по горам там, где свободно лезет кутас, таща на горбатой спине тяжелую кладь. Чтобы доехать до аила от ближайшего города, нужно ехать три дня верхом через горы, а от Москвы отделяют аил тысячи верст. Но Кармшаку это все равно. Он в городе и не бывал никогда, а что такое Москва—совсем не знает.

Через час взбирается Кармшак со своим стадом на гору. Там вверху, между двух горных щелей, есть небольшая долинка, где снегу совсем мало. Легко там даже старому копыту овцы отрыть из-под снега сохранившие сочность стебли травы—зимний корм. Кармшак крепко охватил худыми коленками бока молодого лохматого бычка-кутаса. Это конь его, выносливый, быстрый.

В проколотые ноздри кутаса продета костяная палочка, к палочке привязана веревка. Это—узда кутаса. При помощи веревки отлично справляется со своим конем Кармшак.

— Хей-чо-чоу, — громко кричит он, размахивая поводом-веревкой в правой руке и длинным прутом в левой. Нужно зорко следить за глупыми овцами. Вот несколько штук уже отбились.—Чо-чоу,—галопом об'езжает Кармшак стадо с правого фланга, хлещет кнутом непокорных.

Лохматый голодный пес усердно помогает слева. Угрюмые закутались в снежные покрывала Алайские горы. Кармшак надвигает свою старую меховую шапочку на косые глаза. Кутас, вращая сердито белками, взбирается на почти отвесный склон.

Кармшак в долине. Все стадо собралось неподалеку и мирно выскребает траву из-под сухого снега. Хорошо здесь. Нет резкого ветра. Склоны гор, защищающих долину, густо поросли арчей[1] с кривыми, узловатыми стволами.

Арча защищает долину от лишнего снега. Кармшак согрелся и устал от быстрой езды на кутасе, от возни с овцами. Он поуютнее устраивается под защитой толстого ствола старой арчи, вынимает из платка-пояса маленький кусок сухого крута—овечьего сыра. Жуя крут, поглядывая то на овец, то на холодное красное солнце, Кармшак начинает мечтать. Эх, хорошо было, когда Кармшак жил с отцом и матерью, а не у проклятого бая. Никто не бил, не ругал, была своя маленькая юрта, теплые

[1] Арча—дерево, близкое к можжевельнику.

кошмы. Хоть покойный отец и считался бедняком, все же было у него пять овец, пять коз и кобылица с жеребенком. Хорошо было Кармшаку. Мать каждое лето шила новый чапан и когда делала кумыс, больше всего доставалось Кармшаку. Даже ячменные лепешки бывали у них. А конь какой рос! С густой гривой, с огненными глазами. Быстро носился на нем Кармшак.

Говаривал отец — подрастет конь, подрастет Кармшак, и через год, когда возле большого города будут устраивать скачки, поедут отец с Кармшаком в большой город. Кармшак и конь примут участие в скачках. Много киргизских мальчишек будут скакать—на девяносто верст. Но лучше всех наездников будет Кармшак и быстрей всех будет его конь. Тогда Кармшак обгонит всех, получит награду и станет богатым.

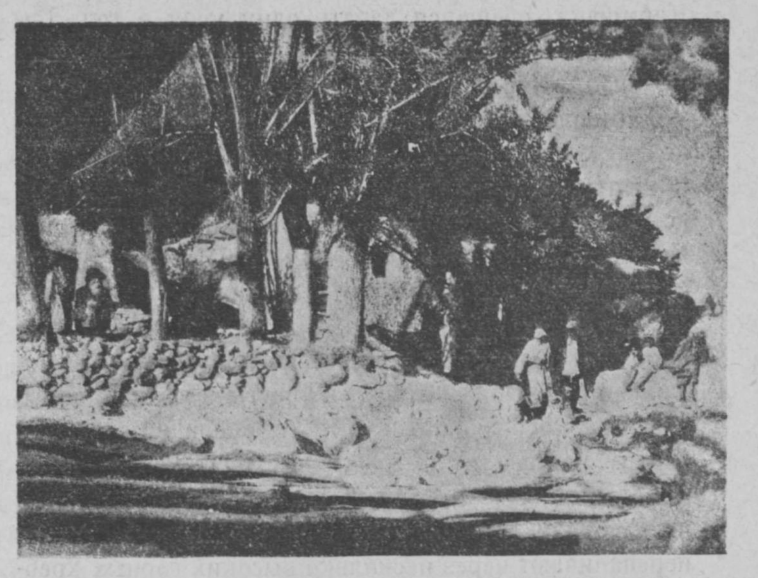
Это было давно. Кармшак уже вырос, ему двенадцать лет, но умерли отец и мать, нет ни юрты, ни коня. Все за какие-то долги забрал бай Кельды и самого Кармшака взял к себе в пастухи.

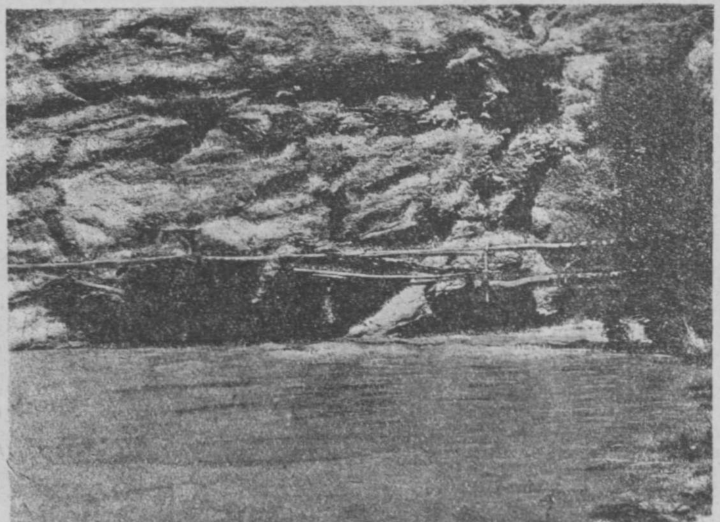
Так шел день. Кармшак то ходил вокруг стада, чтобы согреться, то опять садился на сук старухи-арчи, вспоминал и мечтал. Вспоминал, вспоминал, да и задремал. Спутались мысли в сонной голове. В полусне слышались ему голоса отца с матерью, громко заржал отцовский жеребчик... Да как странно заржал, точно жалобным ягнячьим голосом. И вдруг, зарычал, завизжал, залаял, как испуганный пес. Тут очнулся Кармшак. Вечерело, синяя тень легла на снег долинки, алели верхушки гор. Овцы сбились в кучку, дрожа. Лохматый пес, ощетинясь, прижавшись к Кармшаку, визгливо лаял. И, вскочив, увидел Кармшак подальше к лесу, кровь на примятом снегу, политые кровью звериные крупные следы уходили в заросли насупившейся арчи. Кармшак вскрикнул, бросился вперед, как собака, носом втягивая воздух. И понял все. Не ржанье коня слышал он во сне: то блеяли овцы, лаял пес, жалобно кричал, схваченный голодным волком, ягненок.

Вечером Кармшака бил сам бай. До крови бил хлесткой камчой[1], таскал за уши. Меченого, хорошего ягненка проспал негодный пастушенок.

Побитый Кармшак ушел в загон к лошадям. Прижавшись к глиняной холодной стене, щупая надорванное ухо, видел опять толстое красное лицо бая, узкую седую бороду. Слышал визгливые ругательства и сопение, похожее на сопение дикой свиньи. И вдруг решил: «Убегу, уйду». Зачем жить в чужой юрте, пасти чужой скот. Разве добьешься доброго от злого старого медведя-бая? Когда брал

[1] Камча—нагайка.





В горах Памира. Наверху—глиняная мазанка в горном ауле. В середине—холодная бурная речка мчится между скал. Внизу—таджики, одна из народностей, населяющих Памир.

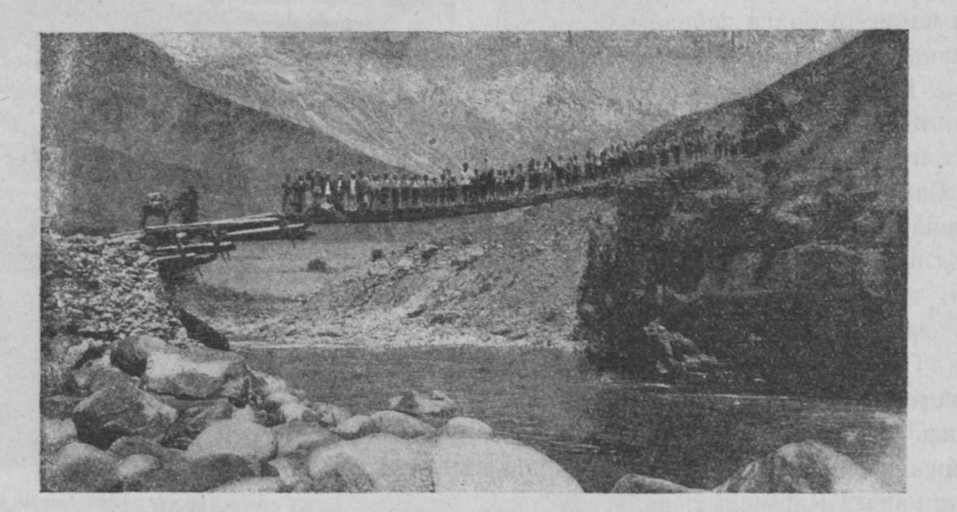
Кармшака, обещался давать одну козу в год. Где эта коза. Ни шерсти ее, ни молока за два года работы не видал Кармшак. «Уйду»—решил твердо.

Пришло лето. Стаял первый снег с гор. Пропал лед в долине, выросла новая трава, цвели красные и желтые маки. Кармшак перебрался на лето со всей семьей Ходжа-Кельды в Алайскую долину. Велика Алайская долина, широка. Весной (а в горах весна начинается поздно) сотни горных киргизов перебираются через горы в Алайскую долину. Перебираются со всеми стадами. Верблюды, кутасы и лошади тащат сложенные юрты, белые и серые кошмы, вьюки с добром. Люди едут на лошадях, кутасах верхом по-двое и по-трое, иные идут пешком. Кто помоложе—громко затягивает песню. По узким горным тропам вереницей бредут животные и люди, переваливают через несколько высоких горных хребтов, пока не откроется перед ними Алайская долина.

С другой стороны загораживает долину высокий, вечно снежный Заалайский хребет. Он отделяет долину от мрачной, трудно доступной горной страны—Памира.

Деревьев нет в долине, только трава густая, сочная — лучший корм отощавшему за лето киргизскому скоту. На берегу широкой реки, красной от глины, раз'вьючивают кочевники верблюдов, ставят юрты... Скот жадно щиплет густую траву. Нигде нет такого воздуха, такого свежего ветра и травы, как на Алае. Кармшак любит Алай, но мысль уйти, убежать от бая все не дает покоя.

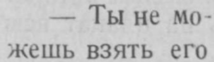
Работы Кармшаку и тут не мало. Не больше двух недель остаются юрты на одном месте. Повыщипет скот траву вокруг—надо двигаться дальше, на свежее пастбище. Двигаться недалеко, версты 3—4, а работы хватит на два дня. Надо сложить опять юрты, все собрать, навьючить верблюдов... Самое трудное—поймать лошадей. Наевшись вволю алайской крепкой травы, делаются лошади как пьяные. С диким ржаньем, с раздутыми ноздрями разбегаются во все стороны и не даются в руки человеку. А у бая лошадей, не считая жеребят, несколько десятков. Скоро ли поймаешь. С дикими криками: чо, хей — гонятся за ними Кармшак, батраки и сыновья хозяина. Нужно обогнать лошадь и ловким броском запутать ее веревкой из конского волоса: тогда можно ее удержать и прикрепить к коновязи, покуда не утихнет. Но бывает, сбрасывает она веревку и тогда опять гонись и подманивай. Чтобы легче было догнать, вскакивает Кармшак и другие ребята на уже пойманных жеребят и кутасов и заставляют их мчаться галопом. Девочки помогают тоже. Визжа не хуже мальчишек, мелькая на солнце красными рубахами, размахивая мелко заплетенными хвостиками косичек, ловят жеребят и кутасов. Наконец, согнали всех, и снова передвижение, новая разгрузка и установка юрт. На летней стоянке жены, дочери и невестка бая готовят припасы на зиму—делают масло из молока коров-кутасов, готовят овечий сыр—крут и сушат его на солнце, кумыс делают из молока кобылиц. Прядут катки и ткут сукно на самодельных станках, валяют кошмы из шерсти баранов. Всюду нужен Кармшак. То принесет, там поможет. Один бай да старшие сыновья отдыхают. Раскатывают верхом по долине от кочевья к кочевью, да тянут без конца кумыс из больших деревянных мисок. Часто приезжают к баю гости: другие баи, муллы, изредка русские из-за гор. Тогда в большой юрте пир. Режут барана, варят суп-шурпу, выпивают много кумыса и чая. После еды гостей Кармшак усердно обсасывает баранью кость и все думает свое—уйду.



Пионеры Памира на экскурсии в горах

Однажды, сидя у берега реки, в свободный час, Кармшак увидел мальчишку, который шел к нему, смеясь. У мальчишки было веселое круглое лицо и новая тюбитейка на голове. Он был в русской рубашке. Кармшак его узнал. Это был Байзак—сын бедняка из соседнего аила. Их аил кочевал неподалеку на Алае. Байзак присел на корточки рядом с Кармшаком и завел разговор. С прошлой осени не видел его Кармшак. Удивительные, странные вещи рассказал Байзак Кармшаку. Такие чудеса водятся разве в старых песнях. от, что он рассказал.

В трех днях пути от Алая, в двух от зимовки есть большой кишлак[1] Бульча. В Бульче есть юрта из камня. Юрту построили русские. Когда большевики пришли в Бульчу, они взяли большую каменную юрту и отдали ее киргизским ребятам. Теперь юрта называется—интернат. Много мальчиков киргизов живут в интернате. Все—бедные и ничего не платят. Каждый день они едят пилав и шурпу, пьют чай. Спят не на кошмах, а на мягких подставках, получают русскую одежду. Никого там не бьют, позволяют бегать, играть и всех учат. Учителя—русские и ученые киргизы. Все учатся читать, писать и каждый день узнают много. Лучше и больше, чем у муллы. Учат про Ленина. Кто такой Ленин не понял хорошенько Кармшак. Понял одно: не будь Ленина, не было бы чудесной юрты, а теперь и он, Кармшак, может жить там. И Кармшак подумал: «надо уйти в интернат».



Лето шло к концу. Созрел ячмень на горных пашнях. У хаджи Кельды были большие поля возле зимовки, засеянные весной. Теперь батраки и один из сыновей Кельды собрались на зимовку на жатву. Взяли и Кармшака. Давно уже ждал Кармшак трудного времени жатвы. И после дня работы под жарким солнцем, как только стемнело, забросил острый серп—урак в ячмень и, озираясь, ушел. Никто не хватился его до утра. Он знал, что отец Байзака перевез уже свою юрту с Алая на зимовку, потому что не было у него батраков убирать поле. И утром Кармшак сидел возле Байзаковой юрты и, жуя крут, рассказывал отцу Байзака и Байзаку, почему и зачем ушел он от бая. Они слушали и кивали головами. Через неделю хаджа Кельди под'ехал к юрте отца Байзака. Молва в горах быстрее горного козла. От людей узнал бай, что сбежавший пастух прячется в юрте отца Байзака. Хаджа приехал на белой лошади. Лицо его было красно, как глина, чапан перепоясан тремя цветными платками. Сжимая камчу в руке влез бай в юрту и сел грузно к очагу. Хозяин поклонился низко богатому гостю и поднес ему кумыс в деревянной миске. Бай выпил и заговорил о деле, сдерживая злость. Кармшак слушал за юртой.

— Отдай мне моего беглого пастушенка, — молвил бай,—зачем прячешь пастушенка?

— Я не прятал его, хаджа, — ответил отец Байзака,— он сам пришел и хочет ехать в Бульчу в школу, где мой сын. Это хорошая школа. Если же хочет он обратно к тебе, возьми его, бай.

Он позвал Кармшака и спросил его, не хочет ли он обратно к баю. Но твердо ответил Кармшак: «Нет». Тогда отец Байзака обратился к баю и сказал:

— Ты не можешь взять его насильно, хаджа, теперь нет такого закона. Вспомни, хаджа, я знаю, ты не платил ему два года и Бульча отсюда близко.

Бай не визжал и не ругался. Он сказал только сквозь зубы: „неблагодарный волченок“.

Скрепя злобу, сел на коня и ускакал.

На утро Кармшак и Байзак уехали на ишаке в интернат.

Уже полтора года живет Кармшак в белом каменном доме-интернате. Он учится писать, читать по-киргизски и многому другому, чего не знает мулла. Он делает гимнастику, работает на огороде и в кухне, играет с другими ребятами в урду[2]. Есть у него много и других дел, потому что недавно Кармшак стал пионером и одел красный галстух. Теперь он знает хорошо, кто был Ленин. Кармшак учится хорошо и через год или два его пошлют на курсы в Ош.

Иногда вечером, когда все улягутся, Кармшак долго лежит на своей постели. После курсов,— так думает Кармшак,—он поедет в Москву и будет учиться еще там. Когда же выучиться всему, то вернется в горы. Он сделает так, чтобы все баи, какие еще есть, ушли с Алайских гор.

На горной вершине

Девочки-пионерки из детского дома в далеком Памире

[1] Село.

[2] Урда—национальная киркизская игра похожа на бабки.

Подписчики „ПИОНЕРА" с № 17 журнала получили первую часть материалов к десятой годовщине Октября. Начиная с этого номера редакция в течение ближайших месяцев будет печатать воспоминания об Октябрьских днях, очерки о строительстве и материалы к празднованию

ЖИВАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Каждое действующее лицо держит в руках плакат с наклеенной на нем обложкой книги и крупно написанным внизу названием книги и именем автора. Конечно, лучше будет перерисовать на плакат всю обложку в увеличенном виде.

В данном случае рекомендуются следующие книги: Джон Рид—Штурм отжившего мира. Изд-во «Прибой». Ленинград. 1925 г. Цена 20 к. Карпинский—Величайшая в мире революция. Госуд. Изд-во. М.—Л. 1925 г. Цена 8 к. Детям о Ленине. Под ред. Кравченко. Госиздат. М.—Л. 1926 г. 71 стр. Цена 1 р. 50 к. Каверин—Осада дворца. Изд. Ленгиз. 1926 год. Неверов—Мишка Додонов. Госиздат. Издание 2-е. 1927 год. 142 стр. Цена 60 коп. Это, конечно, вовсе не рекомендательный список. Мы указываем данные книги лишь как пример оформления. В живую библиографию могут быть введены и другие книги об Октябре, гражданской войне и строительстве социализма, рекомендованные для пионеров и октябрят.

РЕКОМЕНДАЦИЯ КНИГ

(Из-за сцены выходит 1 книгоноша с книгой Карпинского—«Величайшая из революций», потом остальные).

«ВЕЛИЧАЙШАЯ ИЗ РЕВОЛЮЦИЙ»

Пылает страна от края до края,
Октябрьское солнце на ружьях играет,
Неслыханным гулом вздохнула земля,
Идет буревая, последняя схватка,
И молот рабочий свистит рукояткой
Над черной Невой и стенами Кремля.
Во мне, в изложеньи ярком и ясном,
Рассказ о рожденьи Республики красной,
О ходе восстанья, о ходе борьбы,
О всей подготовке и всех достиженьях,
О самом великом рабочем движеньи,
Поднявшем весь мир на дыбы.
Пусть строки мои в вашу память вольются,
Читайте «Величайшую из революций».

«ШТУРМ ОТЖИВШЕГО МИРА»

На площади Красной, у стен Коммунаров,
Лежит написавший меня человек,
Но строки его отливают пожаром,
В борьбе и кипеньи застыли навек.
В них пушек пальба и стальные отсветы
В рабочих глазах и ряды баррикад—
Шумит заседанье С'езда Советов
И виден пронзительный Ленинский взгляд.
Для старого мира могилу мы вырыли.
Читайте о «Штурме отжившего мира».

«ОСАДА ДВОРЦА»

Волна революции движется в гору.
По Зимнему бьет из орудий «Аврора»,
Качаясь на красной от залпов Неве.
Керенский засел, окружась юнкерами,
И сыплются пули в дворцовые рамы,
И море восстанья ломится в дверь.
Дворец замолчал в ожиданьи конца.
Читайте, ребята, «Осаду дворца».

«ДЕТЯМ О ЛЕНИНЕ»

Кем буря Октябрьская взмыта и вспенена?
Я вам расскажу о жизни Ленина:
О вечном труде и великой борьбе
О революционном скажу я движеньи—
О всей подготовке Октябрьских сражений.
Читай, пионер,—это нужно тебе!
Учись на примере вождя революции,
Как вождь и рабочие мыслят и бьются!
И сердце твое застучит горячей.
Прочти эти строки об Ильиче!

«МИШКА ДОДОНОВ»

Разруха далеко, прошли невзгоды,
Но вспомним, ребята, и тяжкие годы,
Чтоб ярче сиял наш сегодняшний день;
Я вам расскажу о голодном Поволжье,
О мальчике Мишке, что едет за рожью
В далекий Ташкент из родных деревень.
Он хочет спасти всю семью от смерти,
Судьба его кружит и бьет и вертит,
Куда его только жизнь не носила,
Но мальчик окреп и наполнился силой
Он стал закаленным, Додонов Мишка.
Читайте и эту хорошую книжку.

МЕЧТА СУЛТАНА СУЛЕЙМАНА И СОВЕТСКИЙ „ВОЛГА-ДОН“

Очерк П. ЛОПАТИНА

У СМЕРТНОГО ОДРА СУЛТАНА СУЛЕЙМАНА

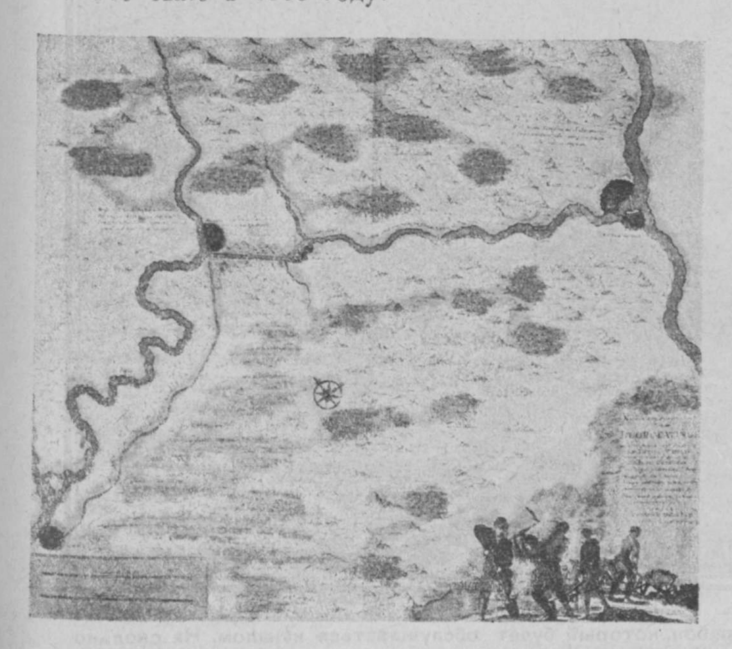
Султан Сулейман умирал. В сумрачных покоях дворца повелителя Великой Порты не слышно прежнего шума, музыки и плясок: всесильный владыка правоверных на смертном одре диктовал последнюю волю своему сыну, наследнику престола Селиму II.

Тяжело на душе у султана Сулеймана. Чует его сердце, что сын его малодушен и слаб, что не под силу ему выполнить мечту отца. Но другого выхода нет, и умирающий султан поверяет шопотом свой план наследнику.

Есть два заклятых врага у Великой Порты: Персия и московский царь Иван Грозный. Пока могучи они, не может быть спокойна Отоманская Порта. Но он, старый султан, знает верное средство одним ударом покончить с обоими врагами: надо только суметь провести сильный турецкий флот из Черного моря в Волгу и Каспийское море. А для этого надо сделать «прокоп» между Доном и Волгой в том месте, где обе реки так близко сходятся друг с другом, поставить крепость там, где ныне Царицын (Сталинград), и оттуда двинуть свой флот вверх по Волге к Казани и Нижнему. Трудна эта задача, но у Великой Порты есть верный и сильный союзник—крымский хан Девлет Гирей. Он обещал дать людей, проводников и продовольствие.

А дальше шли подробности похода, перечень тех военачальников, кому можно поручить это рискованное дело, советы не забывать и крепко надеяться на покровительство великого Магомета и пр. и пр. Но не закончил султан Сулейман своих наставлений и умер, еще раз подтвердив свою непреклонную волю—соединить Волгу с Доном и уничтожить московского царя Ивана.

Это было в 1566 году.



План канала, который собирался строить Петр Первый

ТРЕХСОТТЫСЯЧНАЯ АРМИЯ МОЛОДОГО СЕЛИМА

Рисунок на первой странице Петровского проекта

Молодой Селим горячо ухватился за отцовскую мысль. Весною 1569 года трехсоттысячное турецкое войско, высадившись в Крыму и получив в помощь 40 тысяч крымских татар, направилось на этот стоверстный перешеек между Доном и Волгой.

Но не повезло султану Селиму. В громадном войске, скученном на маленьком клочке земли, начались болезни. Крымский хан не сдержал своего обещания о продовольствии, и вместе с болезнями пришел голод. Войско роптало. То здесь, то там вспыхивал открытый бунт. А тут как раз подоспело высланное царем Иваном русское войско под начальством воеводы князя Серебрянного. Турки дрогнули, и началось их поспешное отступление к Азову и дальше на родину. Но бездорожье, голод и болезни сделали свое дело: из 300-тысячной турецкой армии только 25 тысяч вернулись в Константинополь.

Так неудачно кончилась первая попытка построить Волго-Донской канал. От нее остались только затерявшиеся в донецких степях могилы десятков тысяч турецких солдат, да заросший кустарником глубокий овраг, как доказательство смелой попытки султана Селима заставить Волгу течь в Черное море.

«ДЕРЗКО ЧЕЛОВЕКУ СОЕДИНЯТЬ ТО, ЧТО ВСЕМОГУЩИЙ БОГ РАЗ’ЕДИНИЛ»

Прошло 130 лет. И снова в полуверсте от того места, где голодные и умирающие войска Селима рыли свою канаву, закопошились люди. Это по распоряжению Петра Первого тридцатипятитысячная русская армия начала рыть канал между Волгой и Доном под руководством иностранных специалистов.

Первому начальнику работ—инженеру Брекелю—не повезло: губернатор той местности князь Голицын грозил ему тюрьмой и смертью. Потому что «дерзко было бы человеку соединить то, что всемогущий бог раз’единил». И Брекель испугался этих угроз и бежал через шведскую границу на свою родину.

Его заместитель английский инженер Перри оказался не более счастливым: война со шведами поглотила все средства русского государства в деньгах и людях, и Петр I принужден был отказаться от постройки.

Так неудачно кончилась вторая попытка второго самодержца: от нее осталась новая канава, «петровская», в полуверсте от старой, «турецкой». Волга попрежнему продолжала нести св и воды в Каспийское море.

1918 ГОД

Прошли столетия. Настал бурный 1918 год. И среди военных сводок с бесчисленных фронтов гражданской войны, среди общей разрухи и голода, в Кремле, на заседании Совнаркома, по энергичному настоянию В. И. Ленина, выносится резолюция: «...Считать сооружение Волго-Донского канала первоочередной и необходимой работой»...

Но 1918 год и десятилетие после него не были созданы для осуществления этого громадного строительства: надо было бороться с врагом и штопать неотложные дыры в народном хозяйстве. И только теперь, когда наша промышленность крепко встала на ноги, Волго-Донским каналом занялись вплотную, и нет сомнений, что с будущего года начнется его постройка.

Так завершается, в конце-концов, в Советской России интересная история Волго-Донского канала, зародившаяся во дворце султана Сулеймана три с половиной века тому назад.

НЕПРОСТИТЕЛЬНАЯ ОШИБКА ПРИРОДЫ

К чему нам Волго-Донской канал? Быть может, это пустые мечтания, никчемные попытки?

Приглядитесь внимательно к карте нашего Союза, к той ее части, которая перерезает полноводная, широкая Волга. И вам тотчас же станет ясно, какие непростительные и грубые ошибки совершает иногда природа.

Действительно, что может быть нелепее, чем запереть в Каспийское море эту большую закрытую лужу—громадную реку с 15.000 верст судоходного пути, с 1.300.000 кв. верст охватываемой ею территории, которая в 3 раза больше Германии и на которой хозяйствует 45 миллионов человек.

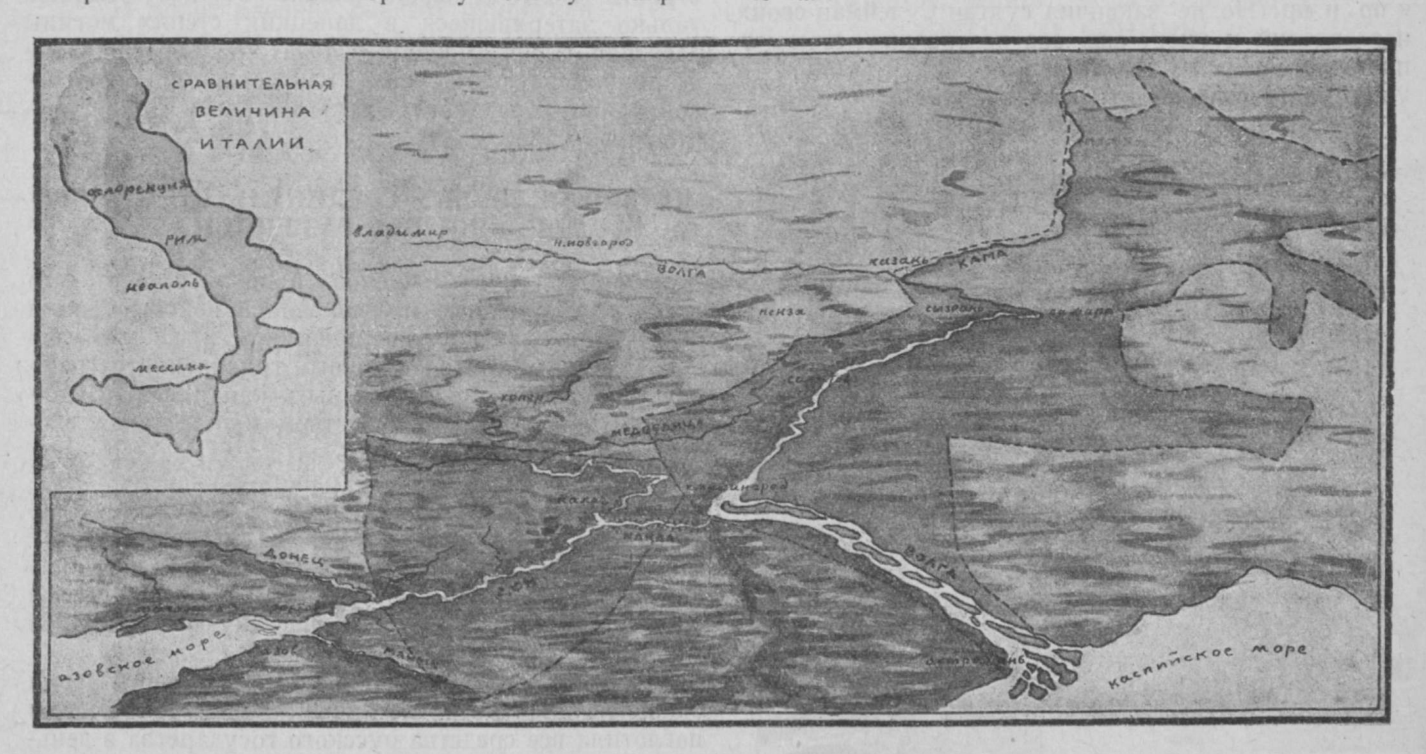
А, между тем, именно здесь, в бассейне Волги, сосредоточились основные богатства нашего экспорта. В своей северной части этот громадный бассейн богат лесом, восточнее—уральская руда, южнее—огромные хлебные поля и, наконец, совсем на юге к нему примыкает наше «черное золото»—богатейший нефтяной район. И все эти продукты—хлеб, лес, руда и нефть—не имеют в Волге того, что они могли бы иметь в ней: удобного, хорошего, прямого пути за границу.

ВЫХОД ОДИН—ЗАСТАВИТЬ ВОЛГУ ТЕЧЬ В ЧЕРНОЕ МОРЕ

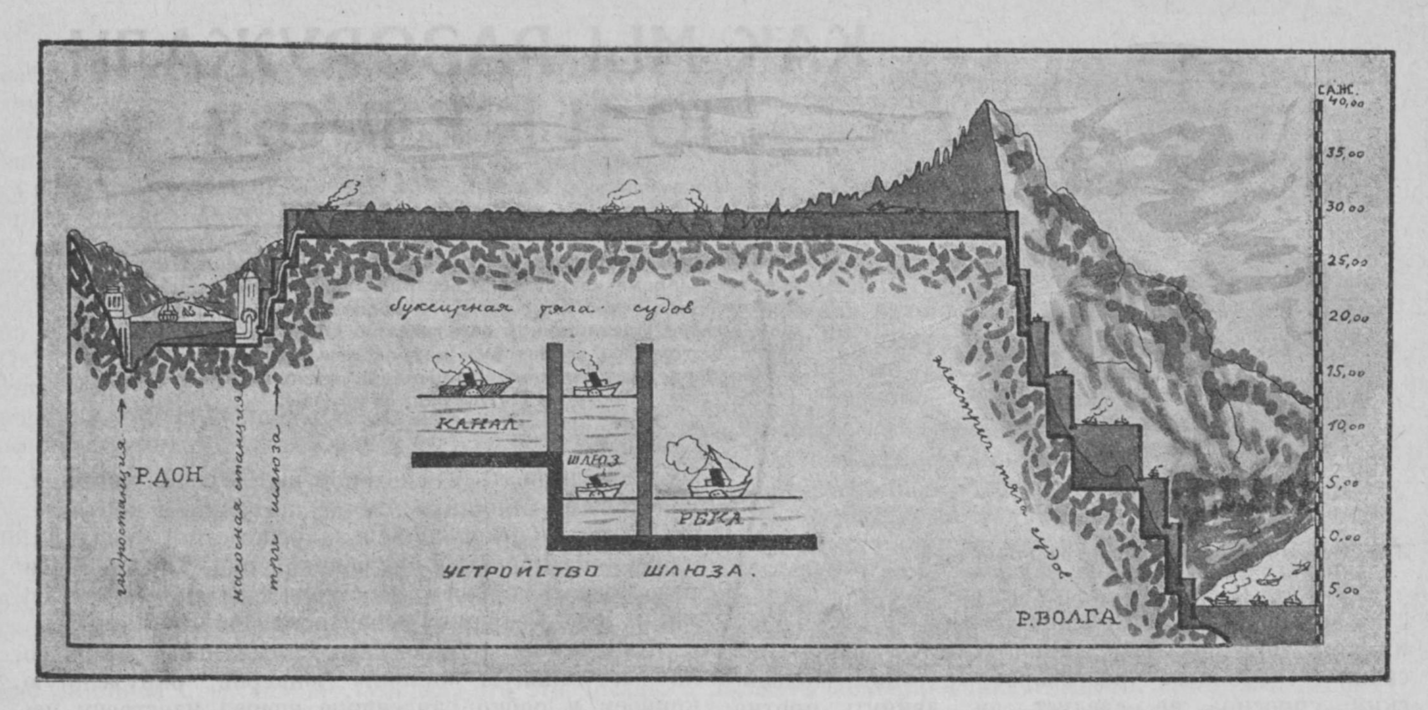
Из громадного волжского района для богатств его только один выход: кружным, длинным и неудобным путем выбраться по Мариинской водной системе в Ленинград и, отчасти, в Архангельск.

Но зачем волжскому лесу маяться по обмелевшим каналам и рекам Мариинской системы, когда Ленинград и Архангельск могут получить лес в любом количестве рядом с собой? И к чему волжскому хлебу путешествовать в Ленинград, когда каждому ясно, что его ближайший путь за границу лежит через порты Черного моря.

Дело в том, что основное богатство Волжского бассейна очень невыгодно перевозить по железной дороге. Достаточно сказать, что водная перевозка для этих грузов, по крайней мере, в 4 раза ниже перевозки их по железной дороге. А поэтому вывод ясен: Волга течет не туда, куда надо. Значит, надо заставить Волгу течь в Черное море. Но как?



Карта Волго-Донского канала. На карте обведен пунктиром район, который будет обслуживаться каналом. На сколько велик этот район, вы можете видеть по сравнительной карте Италии. В этот район войдет самое меньшее пять Италий



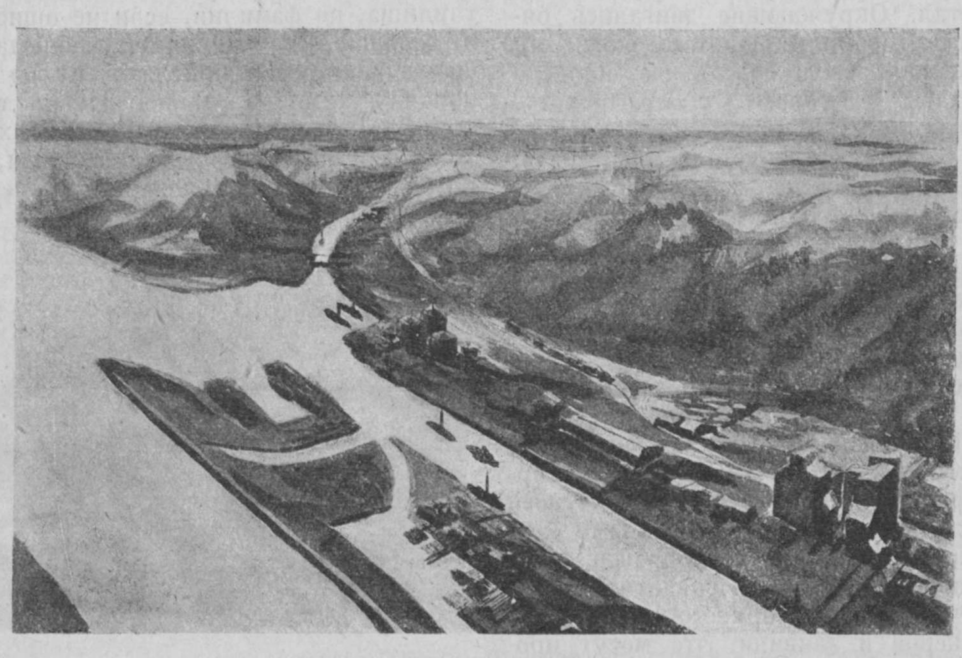
План канала и системы шлюзов. На плане видно, на сколько течение Дона выше течения Волги

ШЛЮЗЫ ВОЛГО-ДОНА

Посмотрите на карту течения Волги в том месте, где она около Сталинграда близко подходит к Дону. Вам станет ясно, что этот маленький перешеек, шириною в 100 верст, и есть как раз то место, в котором само собой напрашивается соединить обе реки судоходным каналом.

С технической стороны это будет очень интересная работа. Уровень Волги в том месте, где предположено соединение ее с каналом, примерно, на 20 саженей ниже уровня реки Дона. Поэтому прорыть самый обыкновенный канал между этими двумя реками нет никакой возможности, потому что тогда Дон мог бы бросить свое старое русло и устремиться по каналу в Волгу и Каспийское море.

Для того, чтобы этого не случилось, предположено устройство на Дону и на Волге целой системы шлюзов, которые дадут возможность судам беспрепятственно проходить по Волге в Дон и обратно.



Так будет выглядеть канал со стороны Волги

МАЛЕНЬКИЕ КОПЕЙКИ, ВЫРАСТАЮЩИЕ В МИЛЛИОНЫ

Что же даст нам Волго-Донской канал? Прежде всего—соединение Волги с Доном откроет доступ к открытому морю продуктам громадной территории Союза, охватывающей не только Поволжье, но и Урал, Киргизию и Западную Сибирь. Этот район в первые же годы существования канала в состоянии дать 300 миллионов пудов грузов для заграницы. В первые же годы после постройки канала по нему пройдет ежегодно 110 милл. пудов для заграницы. А это значит, что на перевозке одного только хлеба канал даст ежегодную экономию в 12 милл. руб. и снизит цену на пуде нашего вывозного хлеба в среднем на 11 коп.

Проще говоря—Волго-Донской канал в состоянии сэкономить нам только на одной перевозке 50 миллионов рублей каждый год.

То, о чем несколько веков тому назад мечтал Сулейман в далеком Константинополе и Петр I в бывшем Петербурге, суждено теперь выполнить СССР.

КАК МЫ РАЗОРУЖАЛИ ЮНКЕРОВ

Воспоминания А. ИЛЬИНА-ЖЕНЕВСКОГО

Тов. Ильин-Женевский, автор воспоминаний

Тов. Ильин-Женевский—один из активных участников Октября; в то время он был комиссаром Гренадерского полка. В этом номере мы помещаем его воспоминания. В следующем номере, посвященном десятилетию Октября, вы прочитаете о том, как горсточка матросов и рабочих отбила у белогвардейцев грозный бронепоезд в конце 1917 г. по дороге из Петрограда в Москву.

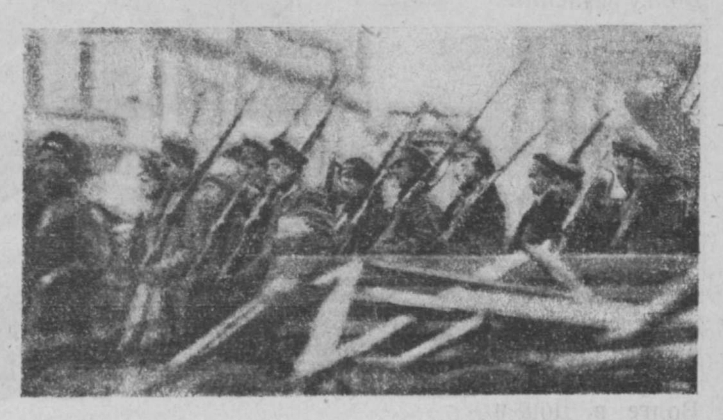
Когда генерал Краснов занял Гатчину и стал продвигаться дальше, я в одном из своих телефонных разговоров с тов. Подвойским спросил: не следует ли двинуть против Краснова также и мой Гренадерский полк? «Не беспокойтесь,—ответил мне на это тов. Подвойский,—ваш полк потребуется еще и здесь». И, действительно, в тот же день я получил приказ от Военно-Революционного Комитета войти в контакт с Петропавловской крепостью и разоружить юнкеров. Получив приказ, я сейчас же отправился в Петропавловскую крепость переговорить о том, как лучше и безболезненнее провести эту операцию. Комиссара Петропавловской крепости тов. Благонравова не было, и я направился к его помощнику Тер-Арутюнянцу, которого я хорошо знал по совместной работе в военной организации. Бедный Тер-Арутюнянц так измотался за последние бурные дни, что его прямо узнать было нельзя. От усталости он заснул, сидя в кресле перед столом, за которым работал. Окружающие двигались рядом на цыпочках и говорили шопотом, боясь его потревожить. Мне жаль было будить его, но дело не ждало, и я заставил его сбросить с себя дремоту. Прочтя еще раз совместно приказание Военно-Революционного Комитета, мы стали обсуждать, как нам действовать. Я высказал свое соображение, что главную опасность для нас представляет Павловское военное училище, а потому разоружение необходимо начинать с него. Однако, задача разоружения облегчается для нас тем обстоятельством, что внутри этого училища у нас есть ценный сотрудник, а именно команда солдат училища, в верности и преданности которой я уже успел убедиться. С этой командой я нахожусь в постоянной связи, а потому и сейчас думаю провести разоружение, опираясь главным образом на эту команду. Тер-Арутюнянц одобрил мой план и обещал с своей стороны поддержку всеми наличными силами крепости. Вернувшись к себе в полк, я прежде всего стал вести переговоры с командой солдат Павловского военного училища. Они приветствовали идею разоружения юнкеров и заявили, что могут провести это собственными силами, если я позволю им воспользоваться некоторой частью своих химиков, с которыми они находятся в постоянном контакте.

Я сильно беспокоился за успех этой операции, однако она прошла у нас великолепно. Юнкера были разоружены конвоем и направлены под арест ко мне в Зап. Гвардии Гренадерский полк.

Как сейчас помню вечер дождливого осеннего дня и длинную колонну юнкеров, окруженную конвоем и робко глядевшую вперед, навстречу неизвестному будущему. Может быть, некоторые из юнкеров ожидали расправы с нашей стороны. Однако я разместил их более или менее прилично. Когда дней через пять, по сложившейся обстановке, юнкеров можно было освободить из-под ареста,—правда, с обязательством немедленно отправляться по домам,—ко мне явилась делегация поблагодарить от имени всех юнкеров за отношение к ним.

Во Владимирском училище назревали крупные события. Эсеровские агитаторы убедили юнкеров восстать на поддержку наступающему на Петроград генералу Краснову. В ход была пущена даже ложь. Так, юнкеров уверили, что Краснов со своими войсками находится уже около Нарвских ворот.

Как раз накануне выступления ко мне звонил назначенный Петроградским Советом комиссар этого училища, по фамилии, если не ошибаюсь, Лебедев, и, сообщив, что в училище наблюдается некоторое брожение, просил прислать ему на всякий случай команду химиков. Я немедленно сделал соответствующее распоряжение, команда химиков в училище действительно была послана и, как мне стало потом известно, приняла на себя первый удар восставших юнкеров.



Вооруженные юнкера и студенты в Октябре

Помню я эту тревожную ночь, когда юнкера восстали. Я спал, как и все это время, одним глазом и, конечно, не раздеваясь. Проснулся я от шума шагов и быстро вскочил с кровати. Прибежавший химик в волнении сообщил мне, что юнкера только-что пытались обезоружить отряд химиков, присланный мною, но те оказали сопротивление, и теперь идет перестрелка. На поддержку химикам прибыла еще команда из батальона, однако юнкеров больше и химики несут потери. Я немедленно поднял на ноги дежурную половину полка. Оказалось всего 200 человек, но я полагал, что этого числа достаточно. Во главе отряда я поставил подпоручика Никонова, как единственного в полку офицера-большевика. На левых эсеров в таком деле я положиться опасался.

Рассвет еще чуть брезжил, когда отряд выступил на улицу.

Из донесений, которые ко мне поступали, я знал, что отряд немедленно по прибытии к Владимирскому военному училищу вступил с юнкерами в бой.

Сначала тов. Никонов хотел атаковать помещение училища с фасада, но, увидев, что это чрезвычайно трудно, поставил заслон, а сам с частью отряда зашел с другой стороны и стал через соседний дом пробираться к юнкерам в тыл.

Чтобы лично осмотреть расположение борющихся сил, я вместе с председателем полкового комитета тов. Федоровым отправился на место. Когда я прибыл туда, на нашей стороне были уже броневики и давало свои первые выстрелы знаменитое орудие, которое и заставило юнкеров в конце-концов сложить оружие. Тут же находился назначенный Петроградским Советом комендант города, левый эсер, прапорщик Нестеров, человек невысокого роста, с целой шапкой волос, спускавшихся на плечи.

Выяснив положение и убедившись в том, что поддержки высланному отряду, по крайней мере в ближайшее время, не потребуется, я направился обратно в казармы полка.

Между тем, обстрел из единственного орудия, которое имели осаждающие, оказал свое влияние на юнкеров, и они сдались. Отряд гренадер первый вступил в помещение Владимирского училища, и командир его, тов. Никонов, был назначен комендантом училища.

Узнав, что юнкера сдались, я немедленно выехал в помещение училища, опасаясь, как бы пленные не сделались жертвой самосуда. Мои опасения были основательны. На Большом проспекте Петербургской стороны я увидел следующую картину. Посредине улицы двигались юнкера, окруженные конвоем, а кругом них шумела и волновалась толпа, требуя немедленной над ними казни. Возбуждение толпы было так велико, что у Тучкова моста продолжать конвоирование пленных было уже не безопасно, и пришлось остановиться, отвести юнкеров в Петровский парк, поставить на мосту крепкий заслон и подождать успокоения толпы.

С большим трудом удалось довести юнкеров до места заключения.

Одновременно с подавлением восстания юнкеров был нанесен решительный удар отряду генерала Краснова. Мало того, Краснов и весь его штаб оказался захваченным в плен советскими войсками. Только Керенскому удалось опять сбежать и скрыться.

В Октябре на улицах Петрограда

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОБ ОКТЯБРЕ

(К «Живой библиографии» на стр. 16).

БЕЛЛЕТРИСТИКА

В ОГНЕ И БУРЕ. Сборник рассказов о детях революции. Под ред. Н. Богданова. Изд. «Молодая Гвардия». 1925 г. 142 стр. Увлекательные рассказы об участии детей в гражданской войне.

КАВЕРИН, В.—Осада дворца. Повесть для юношества. Рисунки Н. Тырсы. Гос. Изд. 1926 г. 36 стр. Ц. 40 к. Об Октябрьском перевороте в Петрограде. Для старших ребят.

ЛАВРЕНТЬЕВ, А.—Сочинение о моей жизни. 1925 г. 40 стр. Ц. 30 к. Об Октябрьском перевороте в Москве. Написана очень просто. Годится и для деревенских ребят.

ПЕТРОВА.—История одной девочки. Госиздат. 1924 г. 181 стр. Ц. 80 к. О том, как подготовлялся переворот и о самом перевороте.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КНИЖКИ

РИД ДЖОН.—Штурм отжившего мира. Изд. «Прибой». Другое заглавие этой книжки: «Десять дней, которые потрясли мир». Это рассказы американского журналиста об Октябре. Книжку эту очень рекомендовал Ленин. Для старших.

МОЛОДАЯ ПЕСНЯ В ОКТЯБРЕ. Сборник статей и воспоминаний с приложением очерка восстания на Пресне и карты боев. Изд. Кр.-Пресн. райкома РКСМ. 1923 г. 71 стр.

СКОРИНКО, Ив.-Комсомольцы Октября. Изд. «Прибой». 1924 г. Ц. 50 к.

ДЕЛОВЫЕ КНИГИ

Пионерам об Октябре. Сборник. Составил И. Разин. Изд. «Молодая Гвардия». 1925 г. Ц. 1 руб. Много материала для подготовки к празднику: статей, пьесок, песен, игр, стихов, лозунгов.

УСТИНОВ, И. и КОНЬКОВ, Р.—Праздник Октябрьской революции в школе. 1925 г. 192 стр. Ц. 75 к. Больше всего стихов и пьес. Есть песенки с нотами. Есть указааия, как ставить пьески.

В ПОМОЩЬ ШКОЛЕ

Опыты по свету в самодельном физическом кабинете

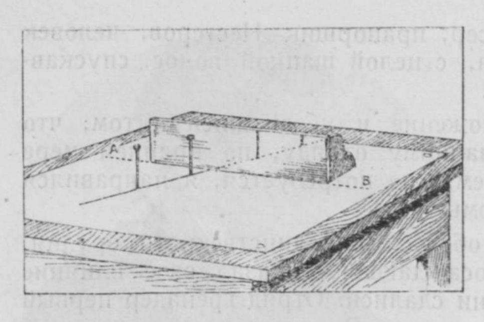


Рис. 1

Почему, если встать спиной к лампе и посмотреть на противоположную стену, мы ее видим? Разве она светится? Почему, если смотреть на улицу через оконное стекло, все видно, как при открытом окне, а если посмотреть в том же направлении в бинокль—все кажется увеличенным? А если развинтить бинокль и смотреть в его стекла—все искажено, а иногда видно и кверху ногами?

Вот вопросы, на которые надо постараться ответить просто и ясно. Я отвечу, а вы подумайте, верно ли отвечено, откуда видно, что происходит так, как я говорю, и как это проверить.

Стена светится и видна потому, что она о т р а ж а е т свет лампы. Через оконное стекло лучи проходят прямо, не изменяют очертаний тех предметов, от которых свет, как от стены, отражается; в бинокле и его частях, где стекла не плоские, а с выгнутыми поверхностями, лучи идут не прямо, а п р е л о м л я ю т с я.

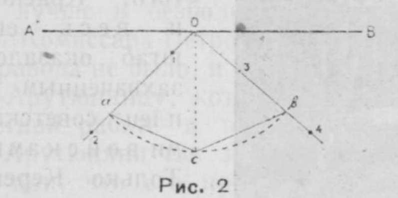


Рис. 2

Все это можно проверить, если соорудить несколько приборов из простых материалов с помощью терпения и желания.

КАК СВЕТ ОТРАЖАЕТСЯ

Прочти фокус с булавками. Найдите небольшой кусочек зеркала; выберите получше стекло, чтобы на нем не было неровностей или пузырьков; наклейте его на кусочек дерева так, чтобы дно стояло на столе всегда вертикально. Поставьте его на ровный стол поверх листа белой бумаги. Где-нибудь у самой поверхности воткните прямо стоящую булавку 1; теперь воткните вторую—2 (рис. 1), как можно подальше от первой, несколько вкось от нее. Теперь глядите одним глазом на булавку 2 так, чтобы она закрывала собою и булавку 1 и оба изображения в зеркале. Если вы отведете голову немного в сторону, то увидите две булавки и два их изображения. Теперь, глядя на эти две булавки, закрывающие и друг друга и свои изображения в зеркале, держите наготове еще пару булавок и двигайте одну из них по столу, пока не увидите, что нашли для нее место, где она тоже скрывается за первыми; воткните ее; также поступите и с булавкой 4. Посмотрите теперь, где они расположены. Проведите вдоль зеркала черту AB (рис. 1) и снимите его с бумаги, выньте булавки: места их ясны по оставленным ими дыркам и проведите через них прямые линии.

Рис. 3

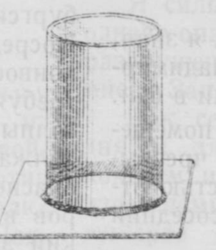


Рис. 4

Видите, какая странная вещь: 3 и 4 булавки стоят далеко от первых двух и на линии делающей большой угол с линией первых а видны в зеркале на одной линии и закрывают друг друга. Вы смотрели в зеркало по линии булавок 2 и 1; посмотрите, переведя глаз на линию булавок 4 и 3; пока вы ведете глаз от булавки 2 к 1, вы увидите в зеркале изображение всех четырех булавок, но стоит вам довести глаз до 4 и взглянуть по направлению 3 — все они снова закроют друг друга.

Попробуйте проделать этот интересный и простой опыт. Теперь взгляните на ваш чертеж и все станет понятно: зеркало отражает изображение булавок 1 и 2 в направлении линии 3 и 4; а изображение булавок 3 и 4—в направлении 2 и 1; понятно, что они закрывают друг друга. Проведите угольником перпендикуляр в точке *o* к линии зеркала, циркулем кусок окружности *ab* и соедините *a* и *b* с точкой *c*; если вы точно начертили, линии *ac* и *bc* окажутся равными, потому что перпендикуляр *oc* делит угол между направлениями булавок как раз пополам: на две равные части (рис. 2).

Вот самый важный «закон» отражения, который вы обнаружили помощью простого зеркала и четырех булавок.

Ламповое стекло—материал для оптических опытов. Ламповое стекло стоит не дорого, а напильник с острым краем (лучше треугольный) найдется у всякого. Сложите вчетверо или больше кусочек бумаги и оберните им ламповое стекло ниже верхнего края на 5—8 *см* так, чтобы край бумаги плотно и ровно его облегал всюду на р а в н ы х расстояниях от края. Плотно привяжите бумагу, обмотав ее ниткой; по краю бумаги осторожно, не сильно авливая, но царапая стекло, ведите напильником. Когда окружность ровно перецарапана, бумажку снимите и углубите царапину. Легкое нажатие—и отделится стеклянный цилиндрик в 5—8 *см* вышины. Теперь надрежьте его вдоль, в двух местах, по диаметру, чтобы получить два полуцилиндра. Эта работа требует больше навыка и тут могут быть неудачи—стаканчик сломается; не отчаивайтесь, пробуйте, и в конце концов работа удастся. Если вы достанете где-нибудь не надолго алмаз—неудач уж наверное не будет.

Когда получены два полуцилиндра, покройте их черным лаком: один с наружной стороны, другой—с внутренней. Пока лак сохнет, отрежьте от лампового стекла еще один цилиндрик, не разрезая его на полуцилиндры, и приготовьте квадратный кусочек стекла, которым цилиндрик может быть покрыт. При помощи сургуча или менделеевской замазки (сплавляется 100 частей канифоли, 25 частей воска и 40 частей краски мумии) приклейте квадратик к краю одного цилиндрика, как показано на рис. 4, и дайте замазке остыть.

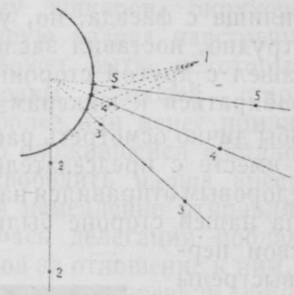


Рис. 5

Теперь поставьте на белый лист бумаги тот цилиндрик, который зачернен лаком с вогнутой, внутренней стороны, обведите край острым карандашем и поставьте булавку 1 на расстоянии *см* 5-ти от края и парные булавки 2—2, 3—3 и т. д. в тех местах, где эти булавки совпадут с изображением в цилиндрике булавки 1 (рис. 5).

Снимите стекло и булавки, проведите линии через все булавки, кроме 1: они сойдутся в точке *O*, которая называется и з о б р а ж е н и е м точки 1. Булавки 2—2 вы поставили так, что они закрывали и з о б р а ж е н и е бу-

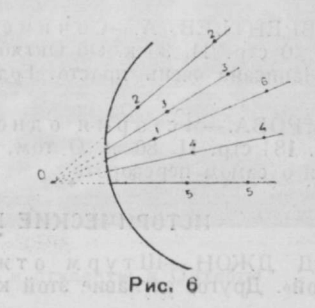


Рис. 6

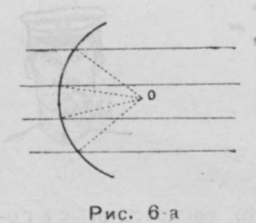


Рис. 6-а

лавки 1, то-есть вы видели эту булавку в направлении 2—2; но ее вы видели и в направлении 3—3 и 4—4; следовательно, по этим напралениям выпуклое стекло отражает изображение точки 1, а эти направления сходятся в одной точке O, и выпуклая поверхность, следовательно, отражает свет во все стороны, так как и между 2—2, 3—3 и 4—4 вы могли наставить еще булавок, закрывающих изображение булавки 1.

Поставьте теперь на бумагу полуцилиндрик, зачерненный с внешней стороны, поставьте его вогнутостью к себе (рис. 6) и обведите внутренний край стекла острием карандаша. Воткните булавку 1 на расстоянии 2—3 *см* от стекла и парные булавки, закрывающие изображение первой: 2—2 3—3 и т. д. Когда вы удалите зеркало и булавки и соедините их дырочки прямыми линиями, окажется, что изображение булавки 1 было тоже за зеркалом, в точке O. Найдите центр стеклянного цилиндра и поставьте в нем булавку 1. Остальные булавки воткните так, чтобы они совпадали с ее изображением; если вы теперь соедините дырочки, окажется, что все они проходят через первую; луч от булавки 1, отражаясь, возвращается назад по тому же направлению.

Проведите на бумаге ряд параллельных линий, поставьте на них тот же цилиндрик так, чтобы линия, соединяющая его рога, была расположена поперек линий (рис. 6-а); в центре поставьте булавку: с какого бы места вы ни посмотрели в цилиндр в направлении центральной булавки, вам покажется, что начерченные линии сходятся у булавки, то-есть в центре; параллельные лучи, падающие на вогнутую поверхность, сходятся в ее центре. На этом основано устройство солнечных двигателей: большое вогнутое зеркало улавливает лучи солнца, которые все отражаются к его оси, проходящей, как и булавки через центр, тут проводят в трубе воду; лучи собираются на трубу и кипятят воду (см. рис. 6-б).

КАК СВЕТ ПРЕЛОМЛЯЕТСЯ В КРИВОЙ ПОВЕРХНОСТИ

Возьмите теперь стаканчик с прикрепленным к нему дном. Сперва опрокиньте его на бумагу и очертите окружность стекла. Найдите и отметьте центр и поставьте точку между центром и краем; затем поставьте стакан дном вниз так, чтобы окружность стекла совпала с нарисованной. Одну булавку воткните в расплющенную дробинку, чтобы ее можно было поставить внутрь стаканчика (над точкой на бумаге) и налейте в него воды. Вокруг стаканчика расставьте булавки и подальше так, чтобы булавки 2—2, 3—3, 4—4 и т. д. совпадали с видимой 1. Удалите все с бумаги и попрежнему соедините прямыми. Оказывается, что видимое изображение булавки б л и ж е к краю стаканчика, чем ее действительное положение; линии, соединяющие булавки, не пройдут через центр, а пересекутся в точке O; через булавку 1 и центр пройдет линия только в том случае, если вам удастся поставить две булавки на линии OA—линии, проходящей и через центр. Сделайте еще один приборчик. Очистите или отмойте в скипидаре или спирту полуцилиндрик от лака, заклейте его плоским стеклом помощью менделеевской замазки и приделайте к нему стеклянное же дно, как у цилиндрика (рис. 8).

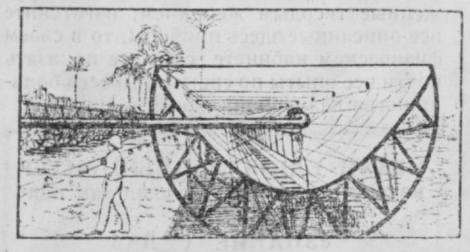


Рис. 6-б

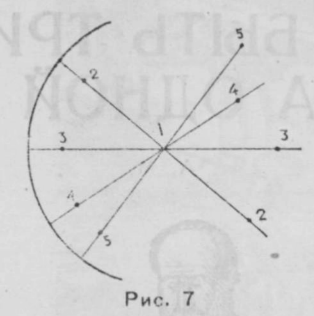


Рис. 7

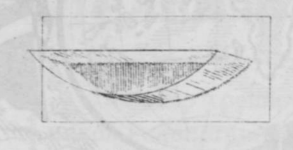


Рис. 8

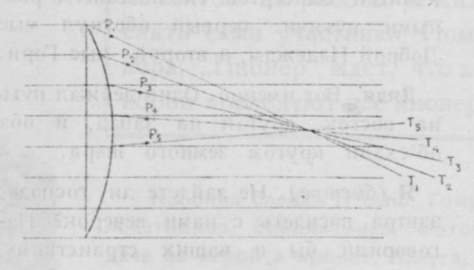


Рис. 9

Начертите на бумаге строго параллельные линии и поставьте на них прибор с водой плоскостью поперек линий (рис. 9). Если будете смотреть вдоль бумаги насквозь, увидите, как причудливо расходятся те линии, что за сосудом. Поставьте парные булавки на видимом продолжении каждой отдельной линии: они займут положение 1—1, 2—2, 3—3 и т. д. и пересекутся приблизительно в одной точке. Параллельные линии, проходящие через выпуклую поверхность, уклоняются к ее центру.

Призма. С нашим стаканчиком можно произвести еще один очень простой и интересный опыт: можно показать, что солнечный луч состоит из смешения многих цветов. Налейте в стакан немного воды, а в листе картона вырежьте две щели не шире $^1/_2$ *см* и на расстоянии 5—8 *см* друг от друга. Возьмите стакан в руку и наклоните, поставив перед ним и лучем одну из щелей, как показано на рис. 10. Ищите такой наклон стакана, чтобы луч, пройдя воду, дал бы на бумаге яркую цветную полоску, радужную полоску света. Всякие лучи, проходя призму (сосуд с наклонными стенками), разлагается на составные цвета.

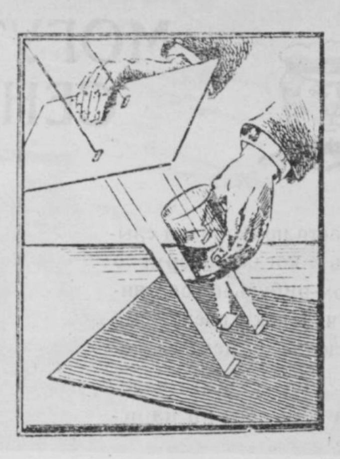


Рис. 10

ЛИНЗЫ ИЗ ЧАСОВЫХ СТЕКОЛ И ВОДЫ

Часовые стекла достать гораздо легче, чем готовые линзы; последние к тому же и гораздо дороже первых. Если часовые стекла у вас имеются, подберите их парами—одно несколько больше другого. Меньшее смажьте по краям разогретой смесью из канифоли и такого количества льняного масла, чтобы получалась прозрачная, в ниточки растягивающаяся масса. Возьмите в каждую руку по стеклышку и опустите их под воду (тоже нагретую) и там плотно соедините их, следя за тем, чтобы в образующемся таким образом сосуде не осталось пузырьков воздуха. Получается линза (рис. 12) с выгнутыми с обеих сторон поверхностями — двояко-выпуклая. Можно сделать и двояко-вогнутую, но ее готовят с помощью вставленных друг в друга колец из бумаги, склеенных так, чтобы стекла лежали на внутреннем кольце, как показано на рис. 1. Бумажные кольца тщательно лакируют асфальтовым лаком, а стекла проклеиваются по наружному краю той же замазкой—канифолью с маслом. В отверстие вливают воду.

Подбирая часовые стекла, можно приготовить многие системы линз: двояко-вогнутую, вогнуто-выпуклую и все комбинации, изображенные на рис. 13.

(Окончание на стр. 24).

Рис. 13 Рис. 12 Рис. 11

МОГУТ ЛИ БЫТЬ ТРИ ВОСКРЕСЕНЬЯ НА ОДНОЙ НЕДЕЛЕ?

А. М.

Часто приходится слышать, когда говорят о каком-нибудь непостоянном человеке, следующее суждение о нем:

— Ну, у этого человека семь пятниц на неделе!

Конечно, никто из нас не имел случая, чтобы было семь пятниц на неделе, но что три воскресенья (или хотя бы три пятницы) на одной неделе может быть...

Вот послушайте, что рассказывает американский писатель Эдгар Поэ.

К дяде Ремгеджеру пристали с какой-то просьбой его племянник и внучка Кэт. Дядя долго не соглашался исполнить их желание; наконец, после усиленных просьб, он сказал:

— Итак, я из'являю полное согласие исполнить то, что вы просите, когда будет три воскресенья сразу на одной неделе... Ни одним днем раньше!

Молодые люди были очень огорчены. Что это? Насмешка? Отказ?

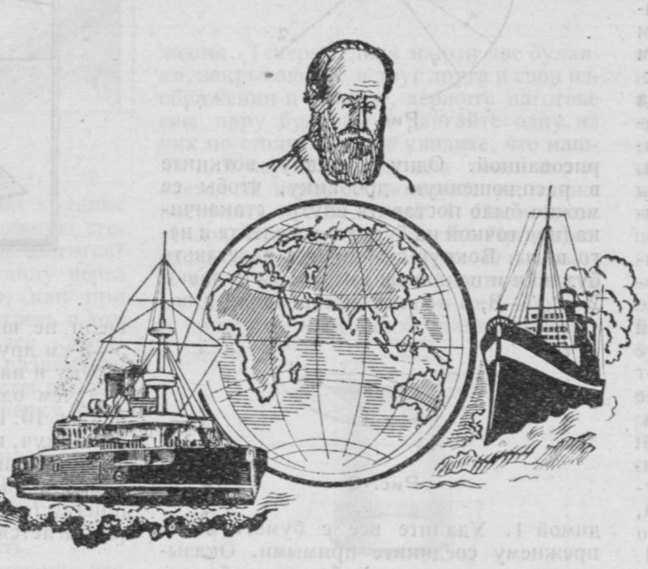
Но Кэт была умной девушкой. К тому же ей помог случай.

Недели через три после описанного разговора у дяди Ремгеджера собрались гости, среди которых были два моряка, капитаны Прат и Смисертон. Говорили о различных вещах, пока разговор не принял такого направления:

Капитан Прат. Целый год пробыл я в плавании, сегодня как раз годовщина моего от'езда! Помните, м-р Ремгеджер, как я пришел к вам прощаться ровнехонько год тому назад? И замечательно, что тут же сидит наш приятель Смисертон, который тоже ведь проплавал целый год.

Капитан Смисертон. Да, год без малого. Помните, м-р Ремгеджер, как я зашел к вам проститься.

Дядя. Еще бы! В самом деле поразительно—оба вы пропадали ровно год. Замечательное совпадение.



Кэт. Тем более, что капитал Прат и капитан Смисертон ехали совсем разными путями: первый обогнул мыс Доброй Надежды, а второй—мыс Горн.

Дядя. Вот именно. Один держал путь на восток, другой на запад, и оба об'ехали кругом земного шара.

Я *(быстро)*. Не зайдете ли, господа, завтра посидеть с нами вечерок? Поговорили бы о ваших странствиях, сыграли бы в вист и...

Капитан Прат. В вист? Вы,верно, забыли, что завтра воскресенье. В другой день я готов...

Кэт. Да что вы? Ведь воскресенье же сегодня!

Дядя. Ну, конечно.

Капитан Смисертон. О чем тут спорить, господа. Да ведь вчера же было воскресенье!..

Дядя. Воскресенье сегодня. Не понимаю, как этого можно не знать!

Капитан Прат. Ничуть не бывало! Воскресенье завтра!

Капитан Смисертон. Да вы, господа, с ума сошли, право! Воскресенье было вчера, я так же уверен в этом, как и в том, что сижу здесь перед вами!

Кэт. Ну, дедушка, теперь вы попались! Капитан Смисертон утверждает, что воскресенье было вчера,—и он прав. Кузен Бобби, вы и я утверждаем, что воскресенье сегодня,—и мы правы. Капитан Прат заявляет, что воскресенье завтра,—и он тоже прав. Мы все правы, и вот вам три воскресенья на одной неделе!

Капитан Смисертон *(после паузы)*. Кэт рассудила правильно. Какие мы с тобой дураки, Прат! Дело, видите ли, вот в чем, м-р Ремгеджер...

И капитан Смисертон начал об'яснять м-ру Ремгеджеру в чем дело.

Не могут ли читатели сами об'яснить, в чем же здесь дело. Почему так случилось, что оказалось три воскресенья на одной неделе?

Опыты по свету

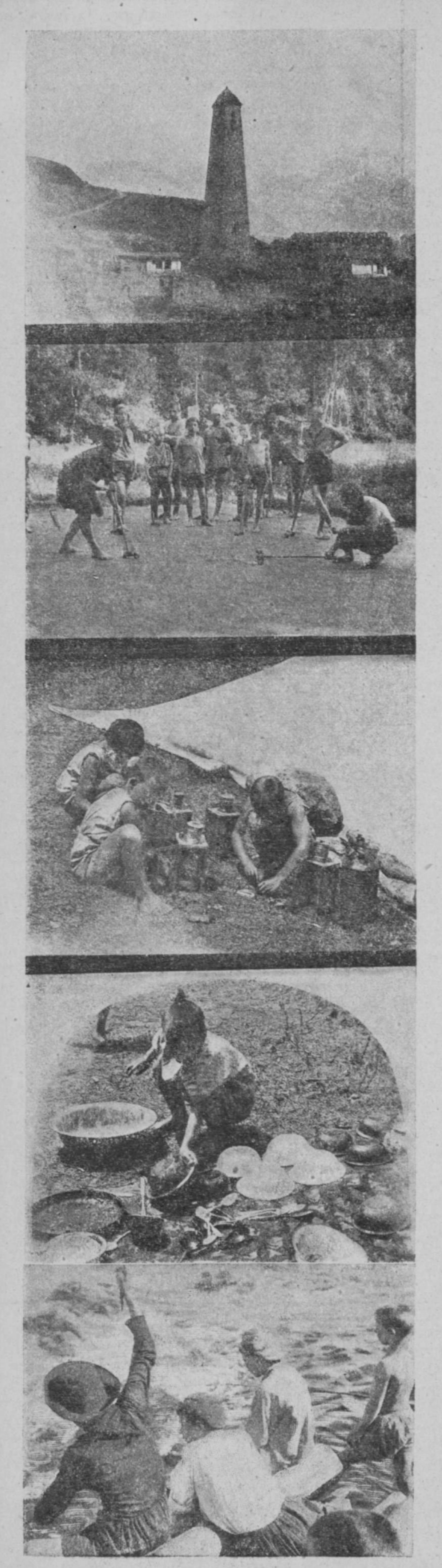
(прод. со стр. 23).

Эти линзы можно наполнять и подкрашенными жидкостями и наблюдать в них преломление света.

Когда линзы готовы, надо подумать о подставках для них. Проще всего употреблять спичечные коробки, наполненные для устойчивости песком или дробью. Когда линзы укреплены, могут стоять вертикально и способны быть передвигаемы в любом положении, надо достать длинную миллиметровую линейку (или разделить аккуратно полоску бумаги), экран из белого картона также на спичечной подставке и черный экран с отверстием в полтинник.

Черный экран ставится на одном конце линейки, за ним свечка, прямо против отверстия (лучше свечка, чем лампа, так как язычек ее пламени хорошо будет изображаться на экране). Линза и белый экран взаимно передвигаются по линейке в поисках изображения свечки, какое и в каких местах линза дает на экране.

Если, набравшись терпением и вооруженные твердым желанием, изготовите все описанные здесь приборы, то в своем физическом кабинете сможете показать почти все опыты по свету и вывести большинство важнейших законов оптики.



СТРАНИЧКА ФОТО-ДЕТКОРА № 1

„Пионер“ решил освещать жизнь и работу пионеров, школьников и неорганизованных не только заметками деткоров, но и фотографиями ребят. Ведь у нас имеются тысячи ребят, имеющих фото-аппараты и сотни фото-кружков в отрядах и школах. Редакция „Пионера“ обращается к вам с просьбой — присылайте интересные фотографии для помещения в журнале. Ведь и самый опытный фотограф не сможет заснять тех сценок и моментов из работы и жизни ребят, которые легко могут заснять сами участники. Помещая первую страничку фото-деткора, „Пионер“ ждет, что хорошему примеру первых фото-деткоров последуют все пионеры, занимающиеся фотографией.

Колонка слева: 1) село Гомучкал — место лагеря отряда профсоюза печатников, Владикавказ, фотография В. Логинова, 2) на пионерской даче за игрой в крокет, Калуга, фотография—работа фото-кружка, 3) приготовляют фонари на ночь, лагерь отряда печатников, Владикавказ, фотография В. Логинова, 4) мытье посуды после обеда, лагерь отряда печатников, Владикавказ, фотография В. Логинова, 5) у мельницы на рыбной ловле, Свердловск, фотография В. Старикова. Наверху справа: 6) ловят раков, Свердловск, фотография В. Старикова. Внизу справа: 7) в час отдыха в лагере пионеров г. Эривани в с. Дараличаг, Армения.

Цена 20 коп.

24511

УГАДАЙ!

ЗАДАЧА № 46 «ХОД КОНЯ»

р	р	о	у	й	ж
щ	к	о	ы	м	а
е	т	ь	р	е	к
п	о	р	у	т	е
с	н	е	с	у	в
ю	л		т	т	е
о	о	й	л	т	с
я	з	о	н	с	о
п	и	а	г	в	е
а	е	а	п	м	о

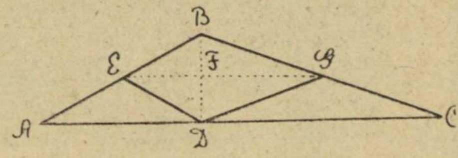
Ходом шахматного коня предлагается прочитать лозунг

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В №№ 10 и 11

№ 26

Скорняку необходимо неправильно выкроенный им из меха треугольник разрезать на несколько равнобедренных треугольников.

На основании общеизвестной теоремы, всякий остроугольный треугольник можно разбить на три равнобедренных, для чего необходимо найти точку, равноотстоящую от вершин углов треугольника. Следствием этой теоремы является, что всякий прямоугольный треугольник может быть разделен на два равнобедренных. В данном случае треугольник, имеющий стороны в 5.7 и 11 вершк.—тупоугольный, и к такому треугольнику можно приложить только следствие вышеуказанной теоремы, т.-е. разбить его на два прямоугольных треугольника, а последние на две пары равнобедренных.



На этом чертеже BD—перпендикуляр к AC, BF=FD и EG—параллель к AC.

Треугольники AED, BED, BGD, DGC—равнобедренные. Как видно из чертежа, заплата должна быть разрезана всего на три части, которые, благодаря их симметричности, могут быть перевернуты наизнанку.

№ 27

Лавка—шквал.

№ 28

Ближе к беспризорным массам.

№ 29

Все десять кубиков, лежащих на первой табуретке, можно перенести, при данных условиях, на 4-ю табуретку, не менее как в 49 приемов. Отметив кубики, начиная с меньшего, номерами 1—10, перенесем сначала 6 кубиков (№№ 1—6) на 2-ю табуретку, на что потребуется 17 приемов; затем три кубика (№№ 7—9) на 3-ю табуретку в 7 приемов; кубик № 10 на 4-ю табуретку в 1 прием; кубики №№ 7—9 на 4-ю табуретку в 7 приемов и, наконец, последние кубики №№ 1—6 на ту же 4-ю табуретку в 17 приемов.

№ 30

1) 5 миллион. спичек.
2) 250 километров.

№ 31.

Если бы по уходе 8 девочек осталось бы попрежнему мужчин втрое больше, то должны бы уйти 24 мужчины. Так как ушло только 8, то, благодаря излишку в 16 мужчин, их теперь не в 3, а в 7 раз больше, чем женщин, т.-е. 16 составляет учетверенное число оставшихся женщин. Итак, женщин осталось 4, мужчин 4.7+28, всего же в отряде было 4+8—12 женщин и 28+8—36 мужчин.

Поправка. В задаче № 32, по ошибке не был указан угол в 60°, который определили ребята.

Поэтому в настоящем № решения этой задачи не помещаем, а оставляем его до следующего раза. Попробуйте-ка, ребята, решить теперь эту задачу.